

Танец на пепле.

Все события и персонажи являются вымышленными. Любое совпадение с действительностью — случайность.

Глава 1.

– Иначе и быть не могло. И не должно быть, – уверенно сказала Ева в ответ на поздравления друга - поздравления с победой в соревнованиях.

Они сидели в машине, Ева смотрела через лобовое стекло на красиво одетых, веселых людей, выходящих из клуба. Только что прошла церемония награждения в танцевальном чемпионате contemporary. Ева – победительница в очередной раз.

– Не останешься, малыш? – спросил Ярослав участливо. – Отдохнула бы здесь, это твоя победа. А потом поедem.

– Нет, не хочется сегодня.

Не хотелось поздравлений, поцелуев в щёку и фото на память. Раньше ей всегда было приятно задержаться на вечеринке. Сегодня – нет. Она сейчас чувствовала себя поспокойному счастливой, уверенно и предсказуемо взявшей новую высоту. Этим тёплым майским вечером ей хотелось поехать к другу в загородный дом, где для них будет гореть огонь под звездным небом, будет цветущий сад, где будет дышаться совсем по-другому.

– Поехали, – Ева ласково улыбнулась и подмигнула другу,

...Модерн. Вышедший из него contemporary.. танец, ставший манифестом свободы, виток новой жизни, движения искреннего, свободного, сродни ветру или потоку горной реки.

Айседора Дункан в начале двадцатого столетия не побоялась отказаться от того, что звалось «общепринятыми нормами» в танце, и открыла дверь в мир, где потом тысячи людей танца, освободившись от кандалов категоричности, познали свободу движения и последующее за ней неисчерпаемое богатство самовыражения.

Ева тоже получила ключ к двери в новую для себя жизнь, прикоснувшись к танцу. В начале contemporary стал отдушиной, противовесом неких сложившихся обстоятельств реальности, которые сформировались рано, в юношеские годы и выжирали её энергию. Со временем она поняла, что танец теперь не просто отдушина. Теперь он то, что заставляет её раскрывать свой потенциал полно. Она поняла, что ей присуще огромное трудолюбие, самодисциплина как следствие желания добиться лучшего исполнения. Это было время учебы в институте, а учеба в институте вышеупомянутых качеств не развивала, она была какой-то пережеванной не раз кашей из общих предметов, банальных слов о будущей профессии менеджера, слов ни о чём. Зато три курса там честно преподавали физическую культуру, непонятно зачем нужную менеджеру, как думала Ева. А после приобщения к танцу Ева поняла, что такое в действительности физическая культура, и мысленно нарекла бредом выполняемое на институтских парах «физ-ры». Она стала лучше чувствовать свое тело и окружающее пространство, исчезла сутулая спина – этот печальный символ подавления себя.

Потом – участие в соревнованиях просто ради интереса и. . победа. Красивый результат пройденного пути. Дальше – новые знакомства. Это были разные люди – танцоры,

спортсмены, фотографы, музыканты. У них горели жизнью глаза, они любили то, что делают.

Начались совместные поездки по городам, снова победы, общение, движение. Работа тренера и хореографа приносила радость и достаточные деньги. Жизнь Евы преобразилась, засверкала со всех сторон, подобно голограмме.

Человек, создающий себя сам, self-made, он знает, что совершенствование своего мастерства идёт об руку с совершенствованием себя и в целом своей жизни. Такая шлифовка

помогает четче мыслить, быть самокритичнее, слышать себя и других. Неизбежно приводит к

лучшему видению вещей. Ева ценила этот свой «багаж».

Глава 2.

Около 20:00 машина остановилась у ворот загородного дома. Выйдя из машины, Ева вдохнула чистый, наполненный свежестью майских трав, воздух, отличающийся от городского. Такой воздух чуть опьяняет привыкших к другому горожан.

Ярослав приглашал её сюда в прошлом году, она хорошо запомнила этот дом с увитой плющом крышей, из-за крыши дом издали выглядел зелёным холмом. Те же кусты так же рано цветущего шиповника вдоль сетки, ограждающей палисадник. Та же ель у ворот. Ощущение мира, покоя легло на душу и тело. Уходящий май одаривал своими тёплыми, светлыми вечерами, сегодня тоже было тепло.

— Проходи, заяц-кролик, - друг открыл ворота. Ева вошла в сад: белоснежные облака цветущих деревьев встретили своей нежностью, тропинка из камней приглашала пройти дальше. Переведя взгляд на дом, Ева увидела знакомое крыльцо со ступенями из камней, украшенное изогнутыми ветвями, по которым, как и по крыше, вился плющ.

— Хорошо как у тебя здесь.

А мне хорошо, что ты здесь, малыш, — он протянул Еве ключ, - открывай дом, я машину поставлю.

Она поднялась на знакомое крыльцо и открыла дверь.

Запах деревенского дома.

Ева разулась и вошла внутрь. Всё как год назад: бревенчатые стены, стеллаж с рабочими инструментами, этюдник, мольберт, несколько ящиков с красками, небольшое окно, расписанное витражами. За большой черной дверью — комната. Она оформлена так,

что

сразу переносит вошедшего в мир мифов с самых разных частей планеты. Ярослав был юристом по профессии и по призванию, но и второго таланта в себе не похоронил. Под его кистями и карандашами рождались миры.

Он расписал стены и потолок этническими орнаментами и сюжетами из легенд. Ева снова увидела Алконост и Сирин, на тёмно-синем фоне птицы с головами женщин, она запомнила эту роспись тем летом.

Краской, мозаикой, деревом здесь, внутри дома, он создал иную реальность.

Ева вошла в следующую комнату. Спальню или мастерскую. Здесь это помещение было и тем и другим. Простая деревянная кровать, рядом стол, наполовину заложённый книгами, два мольберта со стоящими на них ночными пейзажами. И много картин, прислонённых к стене. Какие-то она видела раньше, но больше здесь было незнакомых ей.

Одна из них - рассвет. До деталей выписанная улица летнего города с мокрым от шедшего ночью дождя асфальтом. Город, кажется, ещё спит, но это только на первый взгляд.

Присмотревшись к нарисованному дому, Ева увидела, что на одном из балконов изображен человек. Он смотрит прямо, на нежно-зеленую листву деревьев, растущих рядом с домом. В этот чистый и тихий момент вдыхает утренний прохладный воздух. В центре композиции две

маленькие фигуры: взявшись за руки, идут мужчина и женщина, идут навстречу солнцу нового

дня. Ева просмотрела ещё несколько работ. Последняя работа в ряду – перевернутая лицом к стене. Названия не было. «Перевернул, наверное, ещё не готова, не хочет, чтоб смотрели», – подумала Ева, но что-то её подстегнуло, и она все же перевернула картину лицом к себе. Тихий, очень тихий, но четко ощутимый удар невидимой волной энергии. На фоне сумеречного неба, расправив огромные крылья, летела птица с огненным оперением – воплощение силы, царственности. В её глазах читалась мудрость.

«Как он так смог, так нарисовал?».

А внизу – земля с крошечными огнями мегаполиса, различался мост над рекой с потоком машин на нем, башни высоток с горящими неоновыми крышами рекламами. Снова Ева

перевела взгляд выше. Всё внимание на себя брала эта птица, от неё шло ощущение силы, очень светлой силы, казалось, она одним движением крыла может снести, подобно урагану, сгусток человеческой жизни внизу. Но не сделает так. Нет, не сделает. Ева не видела вокруг ничего, кроме этой картины, для неё пространство вокруг перестало на какое-то время существовать. И понятия времени не было в этот момент. Минуту ли она смотрит на картину

или вечность.

– Феникс. – Ева вздрогнула от голоса, который так резко вырвал её из этой невольной медитации. – Феникс, – друг стоял в дверях и улыбался, глядя на чуть растерявшуюся Еву.

– Прости, она перевернутая была

– Любопытной Варваре что оторвали? – он подошел к Еве ближе и тоже посмотрел на свою работу.

– Чего-то оторвали. Что за Феникс?

– Сгоревшая дотла возродилась из своего пепла. Символ возрождения, победы над тем, что якобы уничтожило её. Первые христиане наносили её изображения на гробницы как

знак жизни после смерти.

«Как это странно для меня. . чем меня зацепило?» – подумала она, а вслух сказала:

– Я с тобой экспертом стану по всему этому сказочному. Миру мифов и легенд.

– Он не так далёк от нашего мира, как тебе кажется.

– Сказочник, — промурлыкала Ева.

Через полчаса они сидели в саду около ярко горящего костра с бокалами красного вина в руках. Несколько фонарей подсвечивали цветущие белоснежные кроны яблонь, небо над ними украшал тонкий серп растущей луны. Этот маленький кусочек мира вокруг укрыл их

своей нежностью, в которой они растворялись, не стесняясь быть счастливыми.

Глава 3.

– Разойдитесь! Дайте пройти! – громкий, на лязг металла похожий по звучанию, женский голос раздался в коридоре медцентра, куда только что пришла Ева. С дикорыжими,

короткими, “бобриком» волосами, невысокая полная женщина в белом халате упёрлась маленькой пустой тележкой в группу людей, столпившихся перед одним из кабинетов. - Пройти дайте, говорю!

Люди зашевелились, уступая ей пространство.

– Места, что ли, нет! – рыжая, ворча, скрылась за этой очередью.

Кто-то сидел, успев занять кушетки, большинство стояли, кто опершись на стену, кто переминаясь с ноги на ногу, один сидел на раскладном походном стульчике. Они говорили между собой, их многочисленные голоса слышались издали как жужжание,

страдальческое

жужжание. Ева слышала обрывки фраз: « в пять утра, на такси», «невозможно попасть», «сколько человек до вас?». Из кабинета рядом вышел молодой человек в белом халате и пару раз щелкнул фотоаппаратом, наведенным на очередь. Затем быстро скрылся за дверью. Ева посмотрела нумерацию кабинетов, ей нужно было идти в противоположную от скопления людей сторону. Коридор, поворот, ещё коридор. Вот он, кабинет 226. Напротив – большое окно (из-за чего здесь очень светло), большая пальма в кадке. Рядом стоял диван из черного кожаного, на котором сидели и что-то бурно обсуждали, выдавая попеременно "бл. ", "нах" и "пи. .ец", постпубертаты в майках с логотипом футбольной команды. Ещё несколько людей на креслах рядом пролистывали какие-то журналы со столика. Часы показывали

11:55,

ещё пять минут до назначенного ей времени.

В 12:00 она постучала в дверь кабинета и, заступив внутрь, поздоровалась. Две

женщины лет пятидесяти-пятидесяти пяти, с химическими завивками на коротких стрижках

своих, сидели за письменными столами. Они синхронно повернули головы на Еву и посмотрели на неё так, словно она явилась грандиозной помехой какому-то очень важному их занятию.

– Выйдите! - рыкнула одна из них. – Выйдите, девушка! Вас позовут, доктор придет скоро. Вторая обратилась к коллеге, шипя застарелой ненавистью:

– Вот никто не звал, уже зашла. Прутся, куда прутся все. .

– Ну извините, – Ева вышла, подумав, что можно бы и повежливее с пациентом, который, оплатив консультацию, пришел в положенное время.

– Пока доктора нет, – подал слабый голос худой, вымученного вида мужчина, прислонившийся к стене рядом. –Мне к 11:40 назначено.

– Понятно.

В 12:20 Ева подумала, что ждать доктора, как снегурочку на новогоднем представлении, не compte il faut, к часу ученицы придут на занятие в студию. Ещё надо пропустить вперед этого вымученного товарища и успеть доехать. Времени нет. Она снова приоткрыла дверь к неприветливым дамам.

– Когда будет доктор? Пожалуйста, поторопите его, я отпросилась с работы и рассчитывала на прием в 12, как меня записали.

– Вам же сказали – позовем! – лавина раздражения в голосе женщины обрушилась на Еву. Ей казалось, она раздражала носорогов.

– Двадцать минут уже я жду.

– Вам что вообще надо?!

Потрясающий вопрос..

– Мне надо доктора, к которому я записалась на прием к 12-ти.

Ева стала понимать комичность ситуации, а ноздри отвечающей дамы раздувались всё

чаще. Вторая, не замечая Еву, разглядывала какие-то бумаги на столе.

– Ну и что! Вот и подождите, ожидают у нас в коридоре, так что вый. .

– Давайте повежливее, я платила за консультацию, не за ваше нежелание работать.

– У вас платная, что ли, консультация? – отозвалась неожиданно, оторвавшись от разглядывания бумаг, до этого момента молчащая сударыня.

– Что ли да.

– Ну всё равно. . выйдите, ждите , сейчас позовем.

Доктор действительно скоро появился, пронырнул в кабинет, и меньше, чем через минуту, дверь открыла медсестра, та, которая только что приказывала «Выйдите».

– Пожалуйста, проходите, девушка, проходите, - сказала она голосом слаще мёда и даже подарила улыбку Еве.

Доктор - милый и интеллигентный на вид пожилой человек с бородкой и в очках.

– Ага. . Ева Вячеславовна. . – протянул он, глядя в новую ещё Евину карточку. –

Рассказывайте, Ева Вячеславовна.

— Сильная, резкая боль в ноге при движениях, в области сухожилия.—Она показала рукой на больное место. — И вся внутренняя поверхность бедра болит. Не могу больше спортом заниматься, движения не возможны.

— Давно?

— Четыре дня, думала само пройдет, надо было сразу прийти, наверное.

— Где-то плохо разогревшись, сделали резкое движение, так ведь?

– Нет, в том-то и дело, что растяжений никаких я не чувствовала, эта боль как-то беспричинно для меня пришла, не понимаю откуда.

– Угууу. . тааак, давайте. . ближе ко мне вставайте. Вашу ножку. .

Несколько разминающих движений по бедру, затем доктор поднял глаза на Еву и, улыбаясь, озвучил свой вывод:

– Ева, вы просто устали. Перенапряжение. Вы же знаете, как спортсменка, отдых необходим. Отдохните, Ева, просто отдохните. Вот мазь ещё, рекомендую, - на столе у него лежала стопочка рекламных листовок известной мази от растяжений, часто рекламируемой по ТВ, он взял листовку и протянул Еве. – В аптеку зайдите сейчас. Можете ещё на физиопроцедуры походить, вот, соседний кабинет – там физиотерапевт, в целом же просто отдыха вам будет достаточно для восстановления, 2-3 недели.

Ева видела, как в карточке доктор пишет диагноз «миозит», название мази, «электрофорез», «избегать травм и переохлаждений», ещё что-то.

– Ничего страшного я здесь не вижу, – доктор отдал Еве предписание и заулыбался ещё шире.

– Ну, идите, Евочка, заслуженно отдохните.

– Спасибо.

Выйдя из кабинета, первым, что она увидела, было несчастное лицо мужика, записанного на 11: 40.

Из соседнего кабинета, кабинета физиотерапии, раздавался громкий всепроклинающий бабский голос, вещающий о том, как все надоели. “Да. . физио лучше сделать в другой клинике. .» Ева пошла по коридору к лестнице.

«Просто устала».

«Не знаю, – думала она, – такая боль. . ну доктору опытному виднее, значит, перенапряглась просто, отдохну ещё». Несмотря на эти мысли, глубоко в душе пряталось тяжелое сомнение.

Но доктору виднее.

«Я на 12:00 вообще, хамка», «на себя посмотрите», «я раньше всех пришла», «мне все равно, одни дураки», - женские голоса звучали в очередях наперебой, казалось, соревнуясь у кого грубее. Ева быстро прошла через коридоры, спустилась на первый этаж и вышла на улицу. С наслаждением втянув воздух, она пошла прочь от этого места.

Глава 4.

Боль. Острая, как от ножа, боль пронзила связку. Музыка вмиг превратилась просто в звук, идущий фоном и раздражающий. Реальность танца разбилась, а на её осколках осталась

только эта боль.

Еве не хотелось привлекать к себе внимание репетирующих рядом. Поднявшись из этого элемента в партере, преодолевая себя, стараясь не задевать никого, она медленно дошла до окна, прислонилась к подоконнику и посмеялась над собой, несмотря на боль. «Умирующий лебедь. Но сложиться в «лебедя» сейчас.. вряд ли». Боль усилилась. «Когда? Когда пройдет??? Должно же найтись лечение. .» Она смотрела на небо сквозь оконное стекло. Закат. Солнце уходило за крыши серых высоток, ветер кружил последние листья. Еве стало мерзко до желания закрыть глаза.

Заниматься полноценно нельзя было уже несколько месяцев. После рекомендованных доктором отдыха и физиопроцедур боль вернулась с какой-то новой силой, прописали гель

и

лечебную суставную гимнастику. Сегодня она сделала очередную попытку вернуться — снова

зря. Выступления пока были оставлены, из состава концертной группы пришлось уйти. . временно, конечно, временно, как она себя убеждала.

«Только временно».

Региональное соревнование по контемпу тоже пропущено.

Отвернувшись от окна, она увидела, что в зал вошла тренер, Ника. Она вопросительно посмотрела на Еву, почти лежащую уже на подоконнике в другом конце зала, и пошла ней.

— Повторяем первую связку! Саша, не сутулься! Носки тянем! — говорила она, глядя на танцующих своих подопечных.

— Привет! - она подошла к Еве. — Так и не прошло? Давай, может, на стул сядешь?

— Мне пока лучше не двигаться. Привет.

— Врачи что сказали? На снимках что?

— Ничего по сути. Первый говорил, что просто устала, “отдохните, Ева». Снимки не сказал делать. А я тогда и не подумала. Отдохнула безрезультатно. Второй снимки назначил, посмотрел — всё хорошо, делай такую-то гимнастику месяц и будет тебе счастье.

Упражнения

показал. Делала два месяца — не прошло. Третий, молодой специалист, посмотрел, сразу честно признался, что вообще ничего не понял, и денег не взял. Четвертый сказал - артроз, пятый — какой ещё артроз?! Этсетера. Вот так как-то.

Ника нахмурила свои изящные брови.

— Есть у меня одно светило, но. . она сейчас в Тайланде попу греет. Через неделю примерно вернется. Я тебе дам знать сразу. Она спину мне спасала несколько раз. Телефон скину. — Спасибо. Буду благодарна очень.

— Пока не за что.

Ева почувствовала, что боль уже стала слабее, можно было аккуратно двигаться.

— Пойду в раздевалку. — Она медленно подошла к диванчику у стены напротив, куда складывали одежду, и взяла свое платье и сумку.

– Проводить тебя?

– Нет, спасибо. Вон новенькие фальшивят как. – Ева кивнула в зал. – Дай люлей им, и от меня тоже.

– Ещё как сейчас получают. – Ника приобняла Еву. – Вылечим мы тебя, монстр контемпа. Ещё прытче заскачешь.

– Да, скорее бы, так хочется, чтоб как прежде всё!

Они прошли по краю зала к двери. Ева волочила ногу, как груз.

– Скинь телефон доктора, ладно.

– Ага, как приедет, так и иди к ней.

Музыка перестала играть.

– Давай, лисёнок, береги себя!

В раздевалке боль заметно стихла. Переодевшись, Ева вышла и, аккуратно спустившись по лестнице, вышла из здания «Фитнес». Сумерки окутывали улицу. Вдохнув ледяной жесткий

ноябрьский воздух, Ева медленно пошла к остановке.

Глава 5.

– Мне некогда, мама! Я уезжаю! К доктору уезжаю! Что у тебя там опять? – Ева раздраженно срывалась в телефонную трубку на человека, на самом деле близкого и любимого. В вопрос не вникала. – Что? Что на мониторе? Ты живешь в 21 веке. Компьютер у тебя стоит уже лет десять. Элементарно кнопки нажать, запомнить их, это сложно, да?! Ты же

знаешь мне не до чего сейчас и некогда. . Наверняка значок не видишь, как всегда.

– Ладно, малыш, извини. Ты только там не психуй давай, — женский голос в трубке звучал очень мягко, обволакивающе, не поддаваясь эмоциональному заражению, исходящему от раздраженной Евы. – Всё лечится. А ты такая упёртая. Очень упертая и сильная, вылечишься, нужно ещё время.

– Время уходит. . собираться мне нужно! Вечером я позвоню, помогу.

– Не грусти только. Очень тебя люблю.

– И я тебя. Пока.

– Пока, малыхин. Позавтракай там, — в трубке зазвучали гудки.

Ева отложила в сторону телефон и лежащий на коленях ноутбук, на котором только что выполняла работу, взятую в офисе на дом.

«Надо контролировать свои чувства», — корила сейчас себя она. Около её левой брови глубже чем обычно обозначалась морщинка, которая в последнее время её лицо посещала все чаще. И всё чаще непрошеным гостем в душу приходило раздражение. С сожалением Ева сейчас признала, что из-за этой ситуации она все больше перестает владеть своей эмоциональной составляющей и срывается на людей рядом либо не слышит их.

Погруженность в свою боль, страх утраты того, что стало образом жизни, отнимали у неё способность радоваться, нормально общаться, владеть собой. Просто она *теряла*. Для неё было потерей невозможность жить полноценной той жизнью своей, которая была так важна

для неё: за полгода она потеряла форму, тело не слушалось, утрата гибкость и по-прежнему отвечая болью на любую попытку вернуться в прежнее состояние. И Ева сейчас концентрировалась только на одном – спасти себя, не дать захлопнуться той двери, за которую резко и неожиданно выставила её травма. Казалось, какая-то мерзкая тварь закрывала эту дверь, а она с другой стороны изо всех сил тянула ручку на себя. Сутавная гимнастика, ЛФК, физиопроцедуры, лечебные кремы, блокады. . разные мнения врачей от

светлых оптимистичных прогнозов до совета надеть тапочки и забыть прошлое. Она боролась,

кроме достижения цели её почти ничего не интересовало, вернее она не замечала почти нечего. Изматывала неопределенность, но надежда не уходила. Надежда всегда была за одним плечом, но за другим иногда являлось подозрение: «Времени прошло достаточно, если бы можно было вылечить, то это бы уже сделали». Ева гнала его от себя. "Все будет хорошо, всё даст свои результаты".

Она взглянула на часы. Ещё полчаса у неё было.

В залитой солнцем через большое чистое окно кухне, на столе, Ева сразу увидела новую — вчера её ещё не было —, красную скатерть. На ней — ветки вербы в стеклянной, оплетенной поверху вазе. Рядом — керамический заварник, прикрытый салфеткой с декоративной вышивкой и готовый, разложенный на двух тарелках завтрак. В простом бытовом действии сейчас выразилась красота души близкого человека, умение через материальную составляющую жизни, через расстановку предметов на столе сказать: «Я люблю тебя». Это был тот момент, когда духовное отчетливо проявилось через самые обычные бытовые действия, которые в повседневности могут остаться незамеченными из-за будничной суеты. Ева прикоснулась к вербе. Взамен гложащего чувства беспомощности и раздражения пришла гармония. На столе сейчас находилось воплощение простой человеческой заботы. Простое лекарство.

Тиканье часов на стене напомнило, что у неё не так много времени до выхода. Сев за стол, она налила себе чая из горячего заварника: чай был травяной, с любимым запахом душицы.

Ева довольно рано заметила, что люди постоянно оставляют следы своих душевных качеств на материальных носителях. Каждый оставляет в этой реальности следы соответственно своему собственному содержанию. .

Перед тем как уйти, Ева набрала нужный номер, долго слушала гудки. Наконец в трубке прозвучало теплое «Да, малыхин»

— Мама, спасибо.

— А за что?

— Ну за заботу, за завтрак. А чай мой любимый.

— Да не за что совсем.

— Я сейчас в клинику, а как закончу давай к тебе заеду, помогу, что там у тебя не получилось?

— Не надо, я тут уже сообразила. . но ты все равно приезжай, если хочешь!

— Ладно, я позвоню, как освобожусь. Давай, до звонка.

— Пока, малыхин! Приходи!

Глава 6

— Ваш врач Оксана Николаевна? Сейчас она подойдет, — администратор клиники, открыла перед Евой дверь в кабинет остеопата. — Присаживайтесь пока около стола, вот сюда. В комнате все располагало к релаксу, здесь было приятно находиться с первой секунды: оформление в бежевых тонах, два плетеных кресла, белоснежная кушетка, прикрытые шторами окна, через которые приглушенно проходил дневной свет, — всё это больше напоминало домашнюю спальню. На столе доктора расположилась небольшая веселая компания детских плюшевых игрушек. Еве показалось, что в прошлый раз их не было.

Совсем скоро из коридора слышались тихие мягкие шаги. В кабинет вошла женщина лет тридцати пяти. Лицо без косметики. Внимательные лучистые глаза. Оксана.

Они поздоровались. Ева рассказала о самочувствии, показала доктору снимки, посмотрев которые та ничего внятного не сказала. Затем — сеанс остеопатии. Сегодня второй.

Тело словно само скорее просилось в руки доктора — постоянное напряжение в последнее время стало спутником, любое переживание отдавалось болью в мышцы ног, хотелось скорее

избавиться от этого давящего ощущения, как избавляются от ненужного хлама, от надоевшего

груза. Сняв верхнюю одежду, Ева легла на кушетку.

Оксана проводила свое обследование медленно, внимательно, работая с суставами и мышцами. Флексия. Экстензия. Приведение. Отведение. Ева видела во внимательных глазах врача желание разобраться и помочь.

— У вас эластичные мышцы, суставы двигаются хорошо. . Ну вы какая-то загадочная.

Ева почувствовала раздражение от этой фразы.

— «Загадочная» — это диагноз, Оксана?

— Я не могу понять причины боли.

— В последний раз мне ваш коллега сказал, что это, скорее всего, перекос таза. Я вся ассиметричная, сказал.

— Перекос??! Встаньте с кушетки. Подойдите ко мне вот так. стойте, ровно только. —

Оксана надавила пальцами на повздошные, ещё в нескольких местах рядом. — Нет, кто это сказал? Перекоса нет. Забудьте про это. Посмотрю снимок еще. — Она посмотрела на снимок

таза, держа его у оконного стекла, затем указала шариковой ручкой на повздошные кости. — Видите, они симметричны.

— Все говорят разные вещи, Оксана, разные какие-то диагнозы и разные методы лечения. Намекают на некомпетентность ранее посмотревших меня своих коллег. Так как-то.

— А что говорили?

— Перекос, артроз, миозит, бурсит, мышечное переутомление. . Разные схемы лечения соответственно. Разные препараты, разные процедуры, противоположные советы — от «надевай тапочки и сиди в тепле и покое» до «надо как можно больше двигаться». Ни одно лечение результата не дало.

— Сейчас я проведу сеанс. И больше назначать не буду, если не последует результата, это было бы нечестно. Я тоже не вижу причины, Ева. . не вижу, но вижу как вы хотите вылечиться. Ложитесь снова.

Лёгкие, чуть уловимые прикосновения рук доктора, спокойный дневной свет сквозь полужакрытые шторы, тиканье часов на стене рядом — всё успокаивало, усыпляло. Через какое-то время Ева почувствовала себя в полудреме, а тело отпускало какую-то уже давно накопленную зажатость, скованность и тяжесть, каждая кость и мышца, казалось, сбрасывали

с себя каменный груз. Мышцы тикали, часто судорожно бились. А затем постепенно пришло

полное расслабление, успокоение для тела и души. Сон почти овладел Евой. Но громко сказанное доктором: «Всё, Ева» заставило её очнуться.

— Переворачивайтесь и аккуратно вставайте. Как ощущения?

— Я по-настоящему отдохнула.

— Вы чувствовали, как тикало?

—Что?

— Мышцы ваши как било? Сильно, часто.

— Да, постоянно во время этого полусна.

—Вы от чего-то сильно устали, это и психологическая усталость тоже. Какая-то непомерная нагрузка. .

— Но я сейчас практически не занимаюсь.

— Вы сами понимаете, я не про спортивные нагрузки. Какая-то у вас другая нагрузка. Не знаю, какие цели у вас сейчас, но, по-моему, вы загрузили себя чем-то, что явно противоречит тем условиям, которые необходимы вам лично, повторюсь — *лично* — для нормального физического функционирования. И организм ваш громко кричит об этом. Ева приподнялась и села на кушетке.

— Да, вы правы.. Всё как-то глупо у меня получилось, быстро скомкалось в непонятную ситуацию. Этим и стрессуюсь. . но поверхностно гоню такие мысли от себя

— Вот именно — поверхностно. Ко мне приходят самые разные люди, и по ним видно — загнали сами себя. А чаще всего, чаще всего нужно просто что-то поменять — поменять вид спорта, то есть изменить физические нагрузки, поменять круг знакомств, путешествовать — нет денег — не причина. Даже уехать недалеко совсем, посмотреть красивые места нашей области, почему нет? Кто только через меня не прошел, люди с разными заболеваниями, обычно самочувствие у них улучшалось после осознанных перемен. Да было так, что работу человек менял, Ева, и здоровье восстанавливалось.

— Спасибо, Оксана, я подумаю, что поменять. - Еву радражало сейчас, что доктор не может вылечить, а дает советы о смене настроения.

— Неделю ничего не делайте, — продолжала Оксана — Никакой нагрузки себе не давайте. Потом начинайте суставную гимнастику и изометрические растяжки, без фанатизма

только. Причем поначалу вам может показаться, что стало только хуже — движения будут более скованные и болезненные, чем до сеанса. Ну, в прошлый раз я вам говорила. А позже, наоборот, придет резкое улучшение.

— Тогда не было вообще никакого улучшения, - ответила Ева, имея в виду их первый сеанс. — Ну вы.. какая-то загадочная. . — повторилась доктор и отвернулась на мгновение в сторону, потом снова посмотрела на Еву своими внимательными глазами. — Если после этого

сеанса все пройдет по той схеме, по которой говорю, - значит, «ура-ура». . Нет — тогда признаю, что не могу вам помочь.

— Мне хорошо о вас говорили, и надеюсь на ваши руки.

— Вижу, как вы стараетесь. И Бог видит, как хочу вам, Ева, помочь. Мышцы вон как здорово било сейчас. Какое-то дикое напряжение выходило. Вы у меня далеко не первый человек с переутомлением. Этот «нервяк» сопровождает и сильно усугубляет этот ваш недуг,

мне не очень ясный. Кроме вас самой вам никто, наверное, не ответит на вопрос, что нужно изменить? Лучше вас никто не знает, что приносит в вашу жизнь эту раздерганность. Что это —

спорт и танцы, вроде как любимые, но в действительности забирающие на себя слишком много энергии или ненавистная работа, которая ни уму ни сердцу, или ещё что-то. . только вы

сами, ваша внутренняя честность даст ответ!

«Гуру. ., не может лечить, прикрывается теперь советами философскими», - подумала

Ева, вслух сказала:

– Я лечусь, чтобы вернуться в свой спорт, а не чтобы менять его.

– Вы меня не слышите.

– Если о работе моей. . как и миллионы других людей, я теперь часть «офисного планктона». Эта компания торгует "воздухом" и полной фигней. Я, как часть сего "легиона", занимаюсь рекламой и внушаю людям, что все это говно (извините, доктор) им жизненно необходимо. Полученные за эту "чудеснейшую" деятельность копейки несу вам и другим доктора, надеясь, что найдёте решение. И я вернусь в свою прежнюю жизнь, – убеждала Ева саму себя вслух.

Оксана кивнула:

– Но пока вы в окружении этих давящих обстоятельств. Я только прошу вас «держать руку на пульсе», отслеживать себя. Сколько я вас таких видела на этой кушетке, самых разных

людей, выгоревших.

Ева смотрела на нее с плохо скрываемым раздражением, но та спокойно продолжала:

– В данное время вы огромное количество энергии затрачиваете на труд, который для вас не актуален.

– Это я знаю, Оксана!

– А вечером, закончив продавать «фигню», с нулевым тонусом и раздерганными нервами, вы начинаете тренироваться. Воспаленные мышцы, боль, снова отсутствие результата. А значит – страх! Страх остаться в этой системе навсегда взамен возврата в тот мир, где вы на своем месте. А страх всегда влияет на ноги. Змея сама себя кусает за хвост. Нервы, стресс.. повышается уровень гормона кортизола, кортизол разрушает ваши мышцы. В таком состоянии и тренировки во вред. Не все безопасно для себя переживают свои 8 часов

в

день. Сейчас и для вас такие стандарты губительны. Если вы хотите поправиться.

– Восемь – это в лучшем случае. Да. . “При покупке двух пачек говна до двадцатого числа мы дарим вам кепку!” – весело сказала Ева, имея в виду свою работу. – Мало кто расстанется с заработанными деньгами ради говна с кепкой. Ты преподносишь говно как конфету, а люди, вот ведь засранцы, не столь наивны. Если ты не находишь наивных, которые

готовы всё же расстаться, вот тогда не восемь часов в день, тогда посиди-ка часа два сверхурочно, "план продаж-то надо ж выполнять ж", а то и больше сиди, маршрутки ведь ходят у нас хорошо, допоздна. Уедешь. . Извините, я разворчалась, – Ева на самом деле ясно понимала, что этого-то «ворчания» от нее сейчас и хотят, – сброса балласта.

– Эта кушетка и не такое слышала.

– Я терплю весь этот идиотизм, начальствующую бабищу, возраста чуть старше среднего, а воспитания чуть ниже среднего, лишь потому, что верю, что вот-вот вы мне поможете. А недолго я смогу прожить и в таком режиме. Нет смысла пересматривать вариант

жизненного пути, если все вернется на круги своя. . И всё это скоро останется позади. Да?!

– Время — самый дорогой ресурс, невозполнимый. Я не буду больше вам назначать сеансов: если не пройдет после этого, то я помочь не способна, — повторилась Оксана.

– Вы прогнозируете отрицательный результат?

– Нет, но обычно улучшения приходят если не после первого, то после второго сеанса.

Я не знаю, сколько займет ваше лечение, не могу порекомендовать кого-либо из коллег. Как бы дальше ни пошло лечение, не раздергивайте себя. Точно так же как до этого колотились

ваши мышцы, сбрасывая напряжение, так же сейчас вы сами сбрасывали накопившееся нервное напряжение, в котором себе не признавались. Противная вам среда, среда ваших антиценностей, накладывается на страх потерять любимое дело и свое место в жизни. Вы теперь в постоянном состоянии тревоги и нервного переутомления. Мышечная система, истощенная, реагирует соответственно.

– Да. Но и выхода не вижу кроме того, что наконец вылечусь и забуду всё как дурацкий сон.

– В жизни человека, как и в его теле, перекосов не должно быть. В здоровой жизни, в здоровом теле. Мои пациенты сплошь перекошены в сторону чего-либо. Работы чаще всего. Какой-то цели. Заблуждений своих. Недосыпают, едят наспех, психуют, когда у них не получается быстро добиться желаемого. Не способны смиренно принять необходимые неудачи. Да, именно необходимые, так как эти неудачи порою и показывают иллюзорность значимости того, на что они тратят свои жизни. Видят лишь цель — заработать все деньги мира, чтобы покупать дорогие насаждаемые товары, чтобы подчеркнуть статус так называемый или чтобы манипулировать группой людей. Или цель — победить на всех возможных соревнованиях — забыто общение здоровое с людьми, отдых, а спорт становится просто гонкой. Или желание власти всё больше и больше. Список огромен. Перекосы, Ева. Отсутствие гармонии и баланса в жизни. «Я буду пропадать на работе сутками, зато у

ребенка
и
моего будут самые дорогие игрушки». А внимания нет. Потом ребенок забывает и игрушки,

родителей. А те оказываются у меня на кушетке в расплате за одностороннюю жизнь, за неумение

различить целеустремленность и одержимость.

Ева стала собираться, закопошилась в сумке.

– Я только к тому это говорю, - Оксана смотрела на заторопившуюся пациентку, — что в какой уже раз вижу эту развилку: человека удастся вылечить, но он возвращается к прежнему занятию в страсти, снова не щадя себя, вместо того, чтобы научиться слушать свое

тело, рвётся на всю катушку. И снова в клинику. Стертые суставы, рваные мышцы. В случае же

невозможности излечения происходит другой перекося. Знакомый теперь вам перекося: грязнут

в болоте, с вечно ноющей раной ухода из спорта. Без денег, без чувства нужности себя. Но есть и другие люди. Они поймали баланс: в первом случае без фанатизма уже, уже с уважением к своему телу достигают результатов. Во втором случае находят силы начать новую жизнь, раскрыв свою силу в какой-то новой, актуальной для себя сфере, а не доживая

в

углу очередного офиса «Рога и копыта»¹. Они открывают себя ещё раз.

– Да, перерождение при жизни, – захлопнув сумочку, с вежливым равнодушием

¹Название конторы по приему рогов и копыт в произведении И.Ильфа и Е.Петрова «Золотой телёнок»

ответила Ева и встала, собираясь попрощаться.

– Подумайте над переменами. Меняются обстоятельства – меняется здоровье. Но. Невозможно, как показывает моя практика, поправить здоровье физического тела при постоянно угнетенном душевном состоянии, перенапряжении и усталости. Какие бы дорогие

лекарства пациенты ни пили, какие бы процедуры ни делали. Мышцы будут рваться, казалось

бы, на ровном месте, болезни будут появляться или обостряться, казалось бы, без причины. Тело очень отзывчиво на состояние психики.

– Подумаю. До свиданья.

– Если будет наш долгожданный результат – позвоните мне, пожалуйста. Я хочу этого вместе с вами.

«Не может, не знает, как лечить», – думала с огорчением и злостью Ева, поправляя причёску у зеркала в холле. Но эти негативные чувства были сейчас весьма поверхностны, а глубже осело четкое понимание: доктор сейчас просто озвучила то, что Ева уже давно знала,

хотя и гнала от себя эти мысли. Раздерганность, перенапряжение и недосыпание, а главное пребывание *в среде её антиценностей*, стали нормой жизни, всё острее впивались своими ядовитыми когтями в возможность выздоровления.

Глава 7

Апрельское солнце ласково согревало город, возрождало непреодолимое дикое желание жить. Ярko, полноправно и не смотря ни на что. Под этими лучами в ирреально вызывающем к жизни воздухе хотелось глубже дышать и жадно наслаждаться каждым вдохом. Идя из дома к остановке через один из дворов, Ева почувствовала себя сейчас частью всегда возвращающейся юности природы. Сильной, красивой, свободной в проявлении себя. Хотя шла она из клиники, в очередной раз от доктора, не сумевшего ей помочь. Это было уже предсказуемо для неё.

Тоскливые из-за безысходности ситуации мысли и чувства медленно уступали место ощущению возрождения жизни, которое появляется весной. Но не уступили совсем.

Поганое

чувство беспомощности. Казалось, все варианты были испробованы. Были и поездки к докторам в другие города. Тщетно. И ей уже не хотелось думать, как помочь себе. Матерщина истеричным мужским голосом рядом. . заплеванный тротуар. . пение птиц. . теперь шум трамвая вдалеке. . солнце в глаза.. блики на луже. . Фон окружающей реальности, повседневности.

«Зачем так? Куда я?».

Проходя мимо одного из старых деревьев, Ева невольно отвлеклась от бессвязных мыслей - на стволе дерева «зависла» маленькая смешная панда - чьи-то руки превратили капю в смешного китайского медвежонка. Он сразу обращал на себя внимание.

– Шуня! Смотрриии! Какооой! – к дереву вдруг подбежала девочка лет шести, с двумя рыжими косичками, в белом пальтишке в оранжевый горошек и в оранжевых резиновых сапожках. В ручонке сжимала тоненький красный поводок, на котором держала белоснежную, пушистую, на облако похожую кошку.

– Аааах! – девочка, глядя распахнутыми глазами, полными детского искреннего восторга потянулась свободной ручкой к каповой зверушке. — Красивыйыйый. — Она тянула ручку к капе, конечно, не доставая её, – Шуня, теперь будем с ним дружить!

Ева обошла ребенка с белоснежной Шуней, спеша к остановке, солнце светило все ярче, отражаясь в лужах на дороге.

– Оля! Пошли домой! - Ева машинально посмотрела в сторону, откуда шёл голос.

Молодые родители торопили девочку.

Оранжевые сапожки сразу же замелькали впереди Евы, слегка обдав её брызгами из

луж, Шуня на поводке не отставала от маленькой хозяйки.

Глава 8.

Уводя зрителей в реальность искренности и нежности, говоря на языке синтеза любви и движения, двое переплетаются телами и душами в танце. Под лучами софитов они одно целое друг с другом, с музыкой и со всем миром. В коралловом атласе она похожа на дивной красоты цветок, чей бутон трепещет лепестками на ветру, освещаемый лучами восходящего солнца. А он... он и есть этот нежный ветер, под прикосновениями которого она чувствует себя самой жизнью.

Они танцуют, и в зале нет места дурным мыслям или злым чувствам. Своим танцем двое создали мост в иное состояние душ, то, от которого однажды неосознанно или осознанно, ушло человечество и возвращается обратно не часто, в минуты подобного катарсиса. В минуты, когда становится гораздо чище.

Под громкие аплодисменты они приходят в себя, только теперь ощущая друг друга физически: ладони их сжимаются друг с другом крепче в знак благодарности и окончания этого совместного путешествия в мир движения и звука – танцуя, они чувствовали себя частью

мира нематериального.

– Ева! Подожди, не уходи! – знакомый звонкий голос раздался сверху, когда, опираясь на перила, снова через режущую боль, осторожно приподнимая трен кораллового платья, Ева спускалась по лестнице. Обернувшись, она увидела Карину.

– Ты чего так исчезаешь внезапно? – Карина сбежала по ступеням и поравнялась с Евой. Обняла её.

– Ты по-прежнему прекрасна, – продолжила она, — откуда эти слухи о твоём уходе? Да ты сама что-то тогда мне писала в сети. Больная так не станцует. Все нормально стало?

– Нет. Но неважно это, спасибо. Думаем посидеть теперь где-нибудь, отдохнуть вместе, не виделись давно. Пойдем с нами? Наши уже ждут внизу почти все.

– Да? Я только за! Тем более у меня предложение!

– Предлагай! Только давай спустимся, мне бы присесть.

– Даже не предложение, а просьба, наверное.

Ева улыбнулась. Они начинали вместе: первые шаги в спорте, работа в клубах, участие в соревнованиях. Почти всегда были рядом. Соперничества и зависти между ними не возникало, как бы ни корили в этом женский пол. Абсолютно разные. Они были друг другу спутниками. Сейчас Карина была востребована ещё больше, чем в ту пору, и пробовала себя

качестве тренера.

Они спустились на первый этаж и присели на низкую банкетку.

– Ева, этот твой почерк в танце, ты остаешься собой! — продолжала Карина, помахав рукой знакомым. – Много прилично танцующих. Но мне нужна эта твоя история, которую

так умеешь рассказать, когда ты на танцполе.

– Возьми молодую девочку перспективную, научи.

– Еееееев, - протянула собеседница с напускной веселой наглостью. – Не в службу, а в дружбу. – В дружбу или в службу, заяц, с такими ногами не танцуют. То, что было сегодня,

рваная попытка.

С верхнего этажа раздавалась громкая музыка. Карине пришлось кричать: – А врачи!? Давай я тебе найду врача! Хорошего! Можно же подсуетиться! И потом... я, действительно, постараюсь тебе много дать. Да ты сама бы могла меня готовить. Но попробуй хоть тренировку у меня, увидишь, чему я тебя научу, поверь, я на месте не стою! «Ничего не видит за своей иллюзией... Но я сама. . тоже. Так хочется, как раньше. . И жаль её не выручить. Но. . эта разница между «хочу» и «могу».

– Там обязательные элементы. Карина, не забывай – обязательные элементы. Раньше бы это был не вопрос. Теперь хана мне как спортсмену. Не дразни меня. А насчёт лечения я тебе могу много рассказать, но не хочу портить настроение. Поехали лучше выпьем. Ждут нас

на крыльце, сейчас переоденусь вон в раздевалке. И пошли. Набери лучше Алексу – идёт он?

– Хана? А как ты так двигалась только что, – она не прятала своего огорчения, глядя в пол и кусая губу, игнорируя просьбу позвонить. – Тугой ты не выглядела, я бы заметила это. Ева почувствовала, как на неё накатывает легкое раздражение, но сразу же объяснила себе, что ситуация того не стоит, и оно ушло. Карина смешно дула нижнюю губку. Как обиженный ребенок.

– Ты меня не слышишь, - сказала Ева, поднимаясь с банкетки. Она уже начала остывать после танца, а здесь было прохладно. – Я в раздевалку.

– Все спортсмены чем-то страдают, – прозвучало в ответ. – У меня, по-моему, ни мышцы, ни кости нормальной нет.

Ева шла в направлении раздевалки. Связку резало острой болью, хотелось выйти скорее отсюда.

В раздевалке она неожиданно увидела сидящего на широком подоконнике Алекса, про которого думала, что он еще на верху – партнера по сегодняшнему выступлению. В танцевальной чёрной с блестками рубашке, с чёрными, как крыло ворона, волосами под блестящим воском. Он встал с подоконника и подошел к Еве.

– Дай, я тебя обниму, - он заключил подругу в объятия, - умница . Как теперь? Болит?

– А не хочу и внимания обращать. Поехали отдыхать, - почти шепотом ответила Ева.

– При всех не хочу там в компании говорить, потому что ты можешь отказаться.

Ева вопросительно посмотрела на него.

– Я с сентября заключаю договор с театром. Будет пластическая драма, танцевальный спектакль. Главной героиней вижу тебя. Если сможешь, – он взял её за руку, – если сможешь,

то я тебя приглашаю.

Ева поправила съехавший на лоб локон.

– Движения подберём под тебя. Только те, которые можешь, которые не болезненны,

– он крепко сжал её ладонь.

Теплое чувство радости запульсировало где-то в глубоко в груди.

– А что за спектакль? Расскажи!

– Давай я тебе сценарий на почту скину. Сама все прочитаешь. Сценарий мой. Это давний проект, давно придумано, но я не озвучивал никому, пока не стал уверен, что все реализуется.

– Алекс, как мне это нужно...

В раздевалку зашли несколько человек.

– Спасибо тебе, - Ева тепло улыбнулась своему визави. – За все спасибо.

Как прикосновение губ к родниковой воде в знойный полдень дарит наслаждение и оживляет, так волшебное чувство надежды дает силы в пути двигаться дальше.

Люди все больше наполняли раздевалку, стало шумно.

– Жду тебя вместе со всеми у входа, – он вышел.

Когда Ева переоделась и стала выходить, в раздевалку зашла Карина. Смешная, демонстративно отворачивающаяся от Евы, но постоянно на неё зыркающая, словно что-то высмотреть желающая. Она подошла к общим с Евой знакомым и громко стала предлагать себя как тренера. Те вяло заинтересовались.

Выходя, Ева сказала, подмигнув ей:

– Пойдем с нами! Ты, наверное, права.

Глава 9.

Мобильный с утра не умолкал. Звонки насчет репетиций, обсуждение костюмов, просьба совета, последние новости о проекте. . К половине первого Ева, оставшись в зале одна, решила хотя бы час не брать трубку, а попробовать позаниматься, доктор разрешил аккуратно возвращаться в спорт. Нужно отточить каждый поворот головы, каждое движение руки, все элементы, а после – отдаться любимой импровизации.

Она поправляет на себе чёрный, усыпанный серебристыми камнями, словно августовское ночное небо звездами, шифон трена. Пальцы касаются кнопки, и музыка наполняет собой все пространство вокруг. Несколько изящных поворотов, и она в середине зала. Рисуя телом и колышущимся треном мелодию, она говорит огненным языком пластики,

языком красоты и движения. Открыт вход в иную реальность, где нет места лживому движению, здесь воплощены искренность и гармония, здесь нежность и сила тела транслируют жизнь души. Растворение в свободе, любви, музыке. Чистый, как источник воды

в нетронутых людьми горах, язык танца. . Вдруг что-то резко вырывает её из импровизации. Швыряет её на пол.

Она ощутила себя лежащей на полу. Сейчас главным было дождаться, когда стихнет дикая боль. Ева отчетливо слышала каждый удар своего сердца. Мыслить было невозможно. Трек закончился, и за ним последовало «Болеро» Ровеля. И сейчас ей не отказало чувство юмора - она представила вид себя сверху: медленно, томно извивающаяся на полу под «Болеро». Неважно, что от боли. А сейчас кто-нибудь зайдёт в зал ...

Никто не зашел. Через несколько минут ей стало легче. В мыслях быстро покрутились все визиты к врачам, всплыли названия препаратов, сумбуром прокатились различные выполненные рекомендации. Зачем все это? Ева осторожно поднялась и выключила проигрыватель. Захотелось выйти из зала, покурить, побыть где-то в другом месте, только не

в этом зале.

Она достала сигареты из кармана плаща и вышла в коридор, в его начале был выход на запасную лестницу. Пройдя туда, Ева закрыла за собой дверь и, преодолевая боль, спустилась по пролету на маленькую, залитую солнцем из окна площадку. Не хотелось, чтобы

сейчас кто-то зашел сюда. Здесь было тихо, лишь чуть слышно доносились голоса разговаривающих людей из коридора, через минуту-потомы стихли и они.

Она прислонилась спиной к стене и закурила, с дымом выдыхая усталость от безрезультатного лечения. Безрезультатное лечение. Это обстоятельство железной лапой держало её настоящее в губительных, как она чувствовала тогда, рамках. Постыдные для её

самоощущения «от звонка до звонка» продажи людям хлама или воздуха, «объятия» офисного пластика под аккомпанемент бабского злословия и звуков электронной музыки из радио, начальство с недостатком воспитания и избытком гонора - это всё пока ещё не вошло

В привычку, забирало энергию. Но Ева знала, что нельзя позволять внешним обстоятельствам подтачивать себя. Она смогла смотреть на ситуацию со стороны, а не только через стекла своих собственных переживаний и мыслей, ей было забавно видеть, как офисные дамы словно соревновались, у кого в душе больше дерьма, за чаем перетирая друга друга, всех со всеми. Ей все больше становилось стыдно за свою тупую работу, за навязывание людям мусора или иллюзий как чего-то жизненно необходимого, достойного того, чтобы отдать за это пусть даже последние свои деньги. Но каждый раз она себе говорила: «Ещё немного. Я поправлюсь» Сейчас ей казалось, что все кончено, пришло уныние: сколько схем лечения перепробовано.

Затушив сигарету, она посмотрела себе под ноги. На сером бетонном полу кое-где виднелась засохшая зеленая краска. Ни о чем не думая, она засмотрелась на эти зеленые островки. Боль снова усилилась.

«Надо позвонить, отказаться».

Глава 10.

Ева возвращалась домой из офиса, идя по дорожке, выложенной брусчаткой, между газонами, на которых уже радостно зеленела первая трава, согретая весенним солнцем. Повсюду гуляли улыбающиеся люди, с детьми, с собаками. Казалось, мир потеплел, ожил после сковывающих зимних холодов. И так хотелось жить, любить, просто наслаждаться каждой минутой.

А навстречу Еве двигалась фигура. Женщина лет шестидесяти, с недовольным выражением лица, руки в карманах расстегнутого плаща, из-под которого выглядывало цветастое домашнее платье. Приблизившись к Еве, она пристально на неё посмотрела, перевела взгляд вниз, на ноги. На Еве было надето короткое атласное платье светлоголубого цвета, на стройных ногах - серебристые изящные босоножки. Прищулив глаза, дама прорычала-прохрипела: «Размазать вас бы рожей по земле! Б. .ди. .» - и ещё что-то. Еве показалось, что, если бы не уголовный кодекс, скорее всего женщина бы попыталась осуществить сказанное, судя по концентрации ненависти в голосе и взгляде. .

Около дома Ева зашла в магазин, нужно было купить кое-что из продуктов: скоро должна зайти подруга, которой она обещала подарить кое-что из вещей, танцевальных костюмов. Всё равно в ближайшее время много их не будет нужно. Хотелось бы и угостить

её чем-нибудь.

— Давайте быстрее! Машину что ли выбираете! — лицо дамы-продавца обрамленное сальными плохо покрашенными волосами выражало злобу века, глаза выжидающе и злобно сверлили рассматривавшую витрину с продуктами Еву. .

Войдя в квартиру, приняв душ и переодевшись, Ева открыла ноутбук. Изредка она заходила в социальные сети - узнать новости друзей, интересующие её события, пообщаться

С друзьями из других городов. Не часто, зависимости не было, но сейчас захотелось посмотреть ленту, что нового у друзей. «Недочеловеки», «дегенераты», «ушли от корней» - какие-то подобные лозунги загадили экран. Ради любопытства Ева вчиталась внимательнее

- дегенератами называли тех, кто отмечал 14 февраля. Пост в новостях был со стены

знакомой,

числившейся в «друзьях».

«Как её задевает, раз в мае она это постит».

Вообще труженники соцсетей не скупилась на слова, которые призваны унижать человеческое достоинство. “Это словно соревнование, в ком было больше говнища”, - подумала Ева. В постах люди значились «уродами», «мразями», «биологическим мусором» по той причине, что своим образом жизни или убеждениями не угодили авторам этих постов.

«Дебилом» можно было стать за любовь к животным, «безмозглым» за светский гуманизм, «отщепенцом» за непринадлежность к какой-либо организации, восхваляющей прошлое или

ещё что-нибудь восхваляющей. Казалось, больные, озлобленные люди занимают веб-пространство для того, чтобы рыгать на тех, кто живет не так, как они. Ева подумала о том, что теперь она всё реже видит интернет как площадку огромных возможностей развития и всё чаще видит его как грязный вольер, внутри которого принято кусаться и гадить друг другу

под нос. «Именно грязный. Именно вольер», – прозвучало в её мыслях.

Потом она зашла в свои сообщения, их было несколько, от разных людей на разные темы. Одна из приятельниц негодовала:

– Ева, на странице с видео твоего танца какой-то за. ..т насрал, я его на место немножко поставила.

Далее следовала ссылка на страницу, Ева зашла из любопытства. Ничего нового: вопли-сопли по поводу чувственности и элегантности движений танца, словесный понос что-

то вроде «проститутка», «вызывающе» и бредни в духе учительства "как не надо жить, а как надо". Забавный пост заканчивался словами «Для справки», а дальше шло разъяснение, что такое женская добродетель. Ева улыбнулась, её забавляли эти вот «Для справки» и прочие «учения жизни». Также Ева была названа "банальной сучкой" за наличие татуировки на теле.

Ярослав шутливо назвал подобных комментаторов чужой жизни мораластами.

Приятельнице она ответила «Я никогда никого не переубеждаю. Совсем у меня нет желания. Если кто-то видит грязь в том, в чем мы видим красоту и дар самого Бога, пусть и дальше видит грязь. Это ведь его право, его взгляд на вещи. Пусть и дальше видит грязь».

Позже, пообщавшись с друзьями из другого города по скайпу, она выключила ноут и пошла на кухню, где, готовя, она включила телевизор.

Озлобленный лай мужских голосов, перебивающих друг друга, донесся из “плазмы”.

Популярное шоу. Кто-то что-то доказывал.

Глава 11.

– Хаааааа! Телеги! - басом рассмеялся Максим, смотря в монитор. – На 2.15 смотри, как неуклюже это было, а!

Ева стояла у него за спиной, чуть оперевшись рукой на спинку кресла

– Нужно было заявить, что это танец медвежат, мы бы соответствовали!

– Ладно, чего уж придирается с высоты лет.

Макс, давний партнер Евы по акробатическому номеру, жил в небольшом городе, в области, точнее - в районном центре. Для него тогдашний их танец был просто забавным опытом: танцором он никогда не был, а занимался единоборствами. И был одним из лучших.

Победы на соревнованиях, приглашение на съемки, популярность в своей среде. Затем он стал заниматься тренингом в зале. Здесь, в родном городе, он стал управлять спортивным комплексом, созданию которого во многом содействовал сам. Как казалось Еве, очень достойным. Этот комплекс стал аккумулировать в себе людей, совершенствующих через занятия свою жизнь, независимо от цели: профессионально заниматься спортом, исправить физические недостатки фигуры, преодолеть некие комплексы, просто поддерживать свое тело в нужной форме. . множество целей, у каждого свои. Теперь у них была такая возможность.

У Макса Ева оказалась из-за своей работы. Приехав сюда, в маленький город, в командировку, она не могла не зайти к нему. Тем более - вечер пятницы, можно было и задержаться: он предлагал посмотреть на местный танцзал. Ева в любой другой ситуации отказалась бы от такого предложения – её душевная рана прощания с нормальным движением кровоточила, она берегла себя от просмотра танцев как от источника боли. Но сегодня она согласилась. Этот парень каким-то образом всегда при встрече поднимал ей настроение, общение с ним было лёгким и приятным.

– Тебе же не один раз делали предложения уехать в столицу? Ты выбрал этот залупинск? Макс? - спросила позже Ева, когда они вышли из дома в сад. А Макс ответил, что в

«залупинск» его родной город превращают те, кто отказывается от него или кто растаскивает

его по кускам личных выголд ради. Ответил, что сознательно сделал выбор: отказ от столичной жизни и тех денег, которые были бы у него там.

– Здесь будет болото, Ева, если все, кто что-то реально умеет и может передать людям это, свалят отсюда, - басил он. - Ты представь сама. Если бы свалил мой травматолог, мне, как и другим, пришлось бы ехать к вам. Не вопрос, конечно, доеду. Но ты представь, если здесь не останется ни одного хорошего доктора? И так во всех сферах. А с бабосами нормально всё у меня и здесь. Хватает.

– Да, благодаря тебе здесь есть куда пойти позаниматься.

–Ладно. Не перехвали. Зазнаюсь.

– Ну тебе не грозит, сколько я знаю. А что, извини, хороший врач здесь?

– Я ему реально благодарен. Если надо - договорюсь. Приезжай в понедельник! А то он и завтра посмотрит тебя, если попрошу.

– Завтра. . да не, мне уже в город надо возвращаться. Ну давай на неделе или на следующей.

– Ты чего-то не спешишь залечить свою травму. Может, оставайся до завтра?

– Ну, у него выходной, неловко как-то. А на самом деле, Макс, я уже просто не верю.

Меня такие профессора-разпрофессора в городе смотрели. . Неделей раньше, недель позже. .– Ты так давай. . крест на себе не ставь! – участливо сказал Макс, глядя ей в глаза. – Знаешь, как показала жизнь, не только моя, Ева, жизнь, должность «профессор» ничего не значит для нас. Мне ошибочный диагноз поставил профессор и лечение ненужное, как

понял

я потом, назначил. Ну и чего? «Непрофессора» исправляли ошибку этого . . с множеством монографий и наград. Давай, запиши номер в мобильник. Хотя бы поговори с ним на неделе.

Ева записала в телефон номер доктора и сказала:

–

Просто в крупных городах движухи больше, возможностей

Макс поморщился.

– Движухи больше, Ева, я смысла не вижу в ней. Недавно ездил на выставку спорттоваров, как ты говоришь –движуху, там, у вас. Б. . , Ева, это что? Где индивидуальности?

Здесь, где я живу, я их вижу, там я чего-то не понял: все как под копирку, все с конвейера сошли. Я был как в зоопарке. Девки все на одно лицо, ё. .! У всех сделанные губы – утиный клюв, брови жирные с мизинец в ширину, скулы выделенные на один манер. У всех рожи одинаковые, только цвета волос меняются. И цвета лосин. Где индивидуальность красоты?

И

мужики – все на одно лицо, все с бородами и улыбками — зубоскалом на показ. Собрались

и

вся «движуха» про гречку, куриные грудки и протеинчик. . Ни мастер-классов по тренировкам,

ни стендов с оборудованием, TRX-ы смотрел, думал пообщаюсь с представителями о сотрудничестве с нами — ни одного стенда, ни о питании чего толкового, ни лекций, общаться

не о чем. Ни хренища не было. Жратва протеиновая и дебильные конкурсы на подвижность за

эту жратву в пакетиках в качестве призов. Надо прыгать «обезьяной» и жрать батончики при этом – кто быстрее, кто дольше. А потом фото с качками, какими-то там победителями. И очередь «утиных губ» выстраивается за этим фото. Ну еще штаны продаются спортивные за стоимость оборудования.

—
Злой ты, дядя Максим!

—
Не злой, я в бессмысленности не нуждаюсь, а не злой, ё-мое. Мне надо, чтобы спорт работал на здоровье, на развитие навыков, которые нужны в жизни, на интеллект (правильный подход к спорту развивает и мозги, правильный, а не тот, как на выставке был).

Это я тебе отвечаю на твое утверждение про движуху в большом городе. Я здесь, у себя, занимаюсь с людьми ради их здоровья: кифоз-лордоз-перекос-все дела. . Это подхода требует. У меня с учениками что на татами, что в зале - работа мозгом прежде всего. Здоровье и развитие. А клонов я плодить не хочу.

—
Да я согласна с тем, что ты говоришь. Но массовость всегда плодит суррогат и профанацию. Отсюда то, что ты видел на выставке.

—
Именно так, но мозгом-то думать надо, что ты делаешь и чего ради.

Глава 12.

Было около десяти вечера. Воздух был теплым и наполненным ароматом сирени. Вдалеке лаяли собаки, изредка был слышен шум проезжающих где-то по соседним улицам машин. На небе показался тонкий серп луны. Вдвоем они шли по узкой улице. Еве вдруг не захотелось идти дальше, хотелось остаться здесь, сесть на лавку и вдыхать этот майский вечер. Тихо, спокойно, будучи незаметной ни для кого. «Зачем пошла ? - мысленно корила себя она. - Травить себя только». А потом посмотрела на идущего рядом Макса и эти мысли ушли прочь. Нет, смотрела не как на мужчину, в этом плане он был «абсолютно не её». Но

от

него шёл сильный жизнеутверждающий посыл, какой обычно идёт от хороших друзей.

– Чего улыбаешься, Евушка?

– Так. .

–Налево поворачиваем и, вон видишь? – он указал на силуэт большого здания-коробки впереди, ранее принадлежавшего теперь не существующему заводу.

Через пару минут Ева вошла не в помещение, а в свое бывшее счастье. Как будто не было трех последних лет. Она снова оказалась в той атмосфере, где была так счастлива и на своем месте. Где она была любима людьми, которым открывала движением, сплетенным с музыкой, всегда не запертую, но очень плотно закрытую дверь мира искренности и красоты. Чаще всего люди воспринимали эту дверь именно как запертую, боясь приоткрыть её, терзаемые разными комплексами, неверием в себя и в тех, кто рядом.

Огромный зал, освещаемый прожекторами и заполненный людьми, теперь служил производству не материальных ценностей, а выражению творческого начала. Словно человек,

отработавший одну жизненную программу и перешедший на другую.

То, что здесь происходило, не было похоже ни на веселуху в ночном клубе, ни на приятно волнующие соревнования. Сюда, казалось, шли пообщаться на особом, бессловесном языке, на котором можно было выразить очень многое, для чего, возможно, нет слов во многих языках мира.

Ева увидела, что люди здесь самых разных возрастов, но от всех одинаково шли легкость и радость текущей минуте жизни. Разные, но соединенные общей энергией, «огонь

В
глазах» – чаще всего так говорят про эту энергию.

– Здесь сейчас бальные танцы, бальные это называется? – он показал рукой на танцующих румбу. А во втором зале современные танцы.

К нему подошли несколько знакомых, заговорили о чем-то, а Ева прошла дальше.

Зазвучала знакомая, очень любимая ею композиция "Tiempo" Мануэля Франхо. На середине танцпола появились мужчина и женщина. Они медленно и пластично приближались

друг к другу шагами румбы. Ева засмотрелась на их танец, как засматриваются красивым волнующим фильмом.

Неожиданно рядом с Евой появился Макс и протянул ей бокал шампанского.

– Спасибо. Хорошо, что ты меня сюда привел.

Они ещё какое-то время пробыли здесь. Румба, танго, сальса. .

Позже они прошли в следующий зал.

Dubstep, атмосфера свободы и молодости пронзали здесь все пространство.

Помещение, ещё больше первого, было наполнено молодыми людьми. Здесь сделали высокую сцену, но танцевали не только на ней, а повсюду. Было и оборудование для воздушного танца — кольцо, пилон, полотна, трапеция. Ева вспомнила себя в прошлом: ещё пару лет назад она не была бы здесь только зрителем.

Макс снова не замедлил с шампанским. На этот раз – с целой бутылкой.

– Пойдем, вон там столики, – он кивнул в сторону. Ева пошла за ним.

Они просидели, по-дружески тепло разговаривая и смотря на красивых танцующих людей. Двигаясь пластично, свободно, изящно и эротично, они воплощали сейчас радость самой жизни, динамичной и яркой, при этом гармоничной.

– Чего вдруг такая серьезная стала? Чего задумалась? – Макс посмеялся. – Чего там

философствуешь мысленно?

Ева улыбнулась и стукнула по его бокалу своим.

На сцену вышла высокая девушка с королевской осанкой и длинными, по поясницу, прямыми волосами. Тихая, сначала медленная, музыка, славянская или кельтская, как показалось Еве, постепенно наполняла зал. Становясь все громче и динамичнее, она увлекала танцовщицу, которая плавными, но очень сильными движениями тренированного тела создавала мост между материальным и духовным. Движения танцующей являлись синтезом красоты, силы и свободного владения собой. Танец был наполнен акробатикой, силовые трюки сочетались с гибкостью тигрицы. Очень быстрая к середине выступления музыка остановилась на секунду и сменилась медленной. Танцовщица резким прогибом в пояснице опустилась на пол. Двигаясь плавно, иногда замирая на мгновение, она словно умирала раненым зверем. Но вот волной поднялась и выпрямилась, гордая и сильная. Каждое движение манифестировало возрождение. Закончила свой танец она очень элегантно

и грациозно: несколько рондов, поворот, пластичные руки застыли в изгибе, голова чуть наклонилась в сторону. Завершение воплощало красивую победу.

Майское раннее утро вошло в свои права. Ева и Макс шли по тому же пути, по которому проходили вчера вечером. Улицы, конечно, были совсем пусты и тихи. Чистое, кристально-прозрачное время суток, время, когда человеку проще услышать самого себя. Какое-то время они шли молча. Вскоре стал виден дом Макса.

– Сейчас выберешь комнату себе, дрыхнуть, наверное, уже хочешь?

– Спасибо, я поеду. Первый автобус во сколько?

– В 6:15 вроде. Ну ты зря. Выспалась бы по-человечески и поехала.

– Спасибо, Макс. Но дома дела, просто не могу себе позволить задержаться В автобусе тоже могу спать. Да мне и не хочется сейчас. – Она достала из сумки телефон, было 05:45

– Как знаешь. Пошли тогда. Упрямая леди.

Они дошли до его дома и завернули на дорогу в сторону автовокзала, а минут через десять уже ждали автобуса, стоя на платформе. Город был залит лучами раннего солнца.

– Спасибо тебе. Я здесь забылась от своих будней.

– Не пропадай. Приезжай ещё.

Подъехал автобус. Они тепло попрощались, и Ева, аккуратно ступая, чтобы не встать в многочисленные плевки на асфальте, пошла к автобусу, который вскоре меньше чем наполовину заполнился пассажирами и тронулся в путь. В такой ранний час в субботу желающих ехать было совсем немного. За окном быстро сменяли друг друга дома и деревья. Спать не хотелось, несмотря на бессонную ночь. Еву наполняла энергия для жизни, лёгкость. Она с улыбкой вспомнила, как в последние три года ей выписывали какие-то витамины, бады... многочисленные, чтобы восстановить силы.

«Пребывание в своей атмосфере хотя бы на пару часов, восстановление связи со «своим» – вот что следовало бы указывать в рецепте».

. . «Даже если «твое» теперь не твоё?»

Глава 13.

– Приезжай ко мне сюда с чемоданом кожаным, а уедешь ты отсюда с х. ем отмороженным! Иии-их-иии-их! – визг, очень похожий на свинячий, сопровождаемый дробным стуком каблуков, принявших на себя вес килограммов восемьдесят. Это главный бухгалтер исполняла любимые ею фольклорные произведения. Корпоратив. День рождения

компании.

Пляска происходила в зале на первом этаже, около стола с многочисленными яствами, раскупоренными и ещё не раскупоренными бутылками водки. Бухгалтера поддерживали в подергивании телами под частушечную матерщину человек пять женщин — коллег. То ли они

тоже любили подобный фольклор, то ли главного бухгалтера. Разбавлял эту дамскую компанию Серж. Сударь лет сорока, худощавый, со слегка выпученными глазами и сверкающей лысинкой на макушке. Позиционировал себя гуру продаж и королем делового общения, хотя часто выходил от руководителя с огорченно-растерянным видом. Сейчас же выражение лица его являло собой счастье и гармонию. Серж был на своем месте среди этих уверенных в себе женщин, с удовольствием подливал в стопки водочку, притопывал в такт, иногда щелкая пальцами. Еве он не мог простить, что не оценила его, сногсшибательного мужчину. При его шарме, при его альфа-самцовой сексуальности. . да она просто

заносчивая

дура! Да и девчонки вон так же считают — дура она.

Ева вышла в коридор и поднялась по лестнице на второй этаж. Там было много людей-сотрудников, хотя уже и многие к этому времени разбежались по своим кабинетам, чтобы, чуть сняв напряжение выпитым алкоголем, просто пообщаться. А кто-то и не пил вовсе, а после официальных слов о величии фирмы и съеденного за общим столом бутерброда, вернулся к себе, чтобы дальше работать.

— Я вижу ваше отношение к работе! — знакомую дежурную эту фразу Ева услышала, входя в кабинет отдела, где работала. Фраза произносилась, как правило, звонким, наполненным претензий и напряжения женским голосом. Начальница отдела сделала её своей предсказуемой реакцией на всё, что происходило в стенах организации.

Секунду поколебавшись, Ева все же прошла в кабинет. Начальница, заметила её и, тряхнув тёмными кудрями, начала наступление:

— Ещё одна явилась. Не запылилась? Посмотри, на стол свой посмотри! Да!

Ева посмотрела. Порядок, всё по стопкам, аккуратно.

— К столу с едой идти она нашла время! Как же, выпить-закусить, не пропустим же мы это, да, Ева?

Казалось, начальница приняла желчегонное. Или критические дни у неё, может быть. Но тогда получалось, они у неё какие-то вечные.

— Что не так со столом?

Ноздри властительницы раздулись, а в глазах сконцентрировалась сейчас вся злоба мира. — Что не так?! Иди сюда! — она подошла к столу Евы. Ева тоже подошла.

— Стопка эта что значит? — её тонкий указательный палец с острым ногтем ткнул на стопку с отчетами.

— Отчеты, Светлана Леонидовна.

— Я когда просила их сделать???!!! Нееет, я вижу ваше отношение к работе. .

— Сегодня к вечеру, они уже сделаны все.

Мышцы на лице начальницы передернулись, потом она подняла одну бровь.

— Как сделаны? - она взяла верхний незаполненный лист. — Когда это ты успела? Ааа. . Зачем этот черновик сверху? - почти жалобливо добавила она.

Светлану Леонидовну было чуть-чуть жаль. Не она управляла своей агрессией.

Агрессия управляла ей. Паразитировала в ней, постоянно выливаясь на окружающих.

— Принеси мне их! — сказала она и быстрыми шагами ушла из кабинета.

Анечка, координатор, тихо все это время сидела за столом, глядя в монитор. Свою

долю больных эмоций начальницы она уже получила. Ева посмотрела на часы. Рабочий день

сорок минут как кончился. Можно было осмелиться идти.

– Аня, ты идешь или как обычно?

– Как обычно, - девушка сосредоточено заполняла документы на компьютере.

Главбух, сейчас отплясывающая внизу, обычно начинала работу каждый день только после обеда. Время "до" уходило на чаепития, массаж рук и маникюр, разговоры с мамой по телефону, визиты к ней родственников и знакомых. Где-то после часа дама все же приступала

к своим главбуховским делам. Из-за этого позднего начала, люди, то бишь «сотрудники» были

вынуждены так же поздно начинать работу и освобождаться гораздо позднее, чем должны были. Бороться с главбухом было бесполезно. Директор и зам, само собой, проявляли равнодушие. Главбуху некуда было спешить, муж и взрослая дочь, видимо, её не ждали. Главбух не терпела, чтобы кто-то шел домой вовремя, тем самым показывая, что он где-то нужен. Или, что ещё хуже, показывая, что у человека есть ещё иная жизнь помимо отчетов, печатей, цифр. . Тогда она бесилась и негодничала. Тем сотрудникам, у которых не было детей, она могла ответить «Ну, у тебя же нет детей. Ну, и чё ты торопишься?». Все считали её

воплощением идиотизма. Но исполнительная и не слишком умная, она была выгодна руководству. Поэтому позеленевшая Анечка сидела сейчас, как зомби, за своим монитором. Как и многие другие сотрудники, добросовестные и знающие свою работу, какими их видела

Ева, ничего не могли поделать с неприкосновенностью главбуха и её самодурством.

– Почему вы не у праздничного стола, а?! Это что – плевок в коллектив? - это зам директора появилась в дверях. – Все должны быть там!

– Да мы уже. .

– Не рано ли «уже»? Как же это! Надо выпить-закусить на благо организации. Давайте-давайте. У нас ведь коллектив! - императивно заявила зам и удалилась, стуча каблуками.

– Иди, – обречённо сказала Анечка, – у меня “завал”, а у них «коллектив».

Ева, проигнорировав Анечку и зама, взяла стопку бумаг, столь возбудившую Светлану Леонидовну, и понесла ей в кабинет. Он, как и следовало ожидать, был заперт, постучала – нет ответа. Поискав начальницу по обоим этажам и не найдя, она вернулась обратно к себе. Анечка сидела, не меняя мизансцены.

– Пока.

– Пока.

Ева вышла в коридор. Из кабинета напротив вышел Дмитрий, молодой человек, IT-специалист организации. Недавно написал заявление на увольнение, но передумал через несколько дней.

– О, Евочка, – он улыбнулся, правда слегка усталой улыбкой, – покурим пойдем?

– Пойдем, – неудобно было не составить компанию.

– Давай через боковую лестницу, во дворик. А то около центрального там вся п. .обратия собралась.

В закрытом, окруженном забором дворе они закурили.

– Остаёшься все-таки?

– Да. . как тебе сказать. Если прилюдно извинюсь, так. . то есть перед всем коллективом, то остаюсь. Вы все соберетесь а я, негодяй, назову себя предателем. Хаа.

– Это роскошная фантазия зама?

– Дивная прихоть, – Дмитрий сбросил пепел с сигареты. – Напомнил, что в течение двух недель после написания заявления спокойно могу забрать его без прохождения подобной церемонии. Предугадываешь реакцию?

– О да.

– Вот.

Они вернулись в здание. Дмитрий к себе — продолжать работу, Ева пошла к лестнице, на сегодня хотелось уже попрощаться с этим местом.

«Как у нашего Мирона на х. ю сидит ворона!» - доносился тот же визг с первого этажа. - «Иииииих!Иииииииих!»

Глава 14.

– Ева, если говорить откровенно, случай очень запущенный. Не один год вам по какой-то причине не могли установить диагноз, хотя не хотелось бы упрекать в непрофессиональности коллег, но если бы вы пришли ко мне с этим сразу, девяносто процентов, что скоро бы вылечились. Теперь ткань зарубцевалась, пошли дегенерационные процессы. - доктор положил Евины снимки МРТ, КТ, рентгена и УЗИ на стол.

– Понимаю и давно подозреваю, что все деформировалось. Шансы есть ещё? - Ева сама не ожидала той насмешливости, которая звучала в ее голосе. Похоже, приближалось равнодушие к ситуации.

–

Блокаду дипроспаном делали, смотрю.

–

Не помогло.

–

Сделаем другую блокаду, другим веществом. Но это дело такое. Если игла попадет в нерв, то ничего хорошего.

«Хорошее предупреждение». Вслух Ева сказала:

– Не надо в нерв, доктор.

– Такую блокаду правильно сможет сделать один человек . По крайней мере, из тех, кого знаю. Я тоже не возьмусь. – Доктор взял ручку и на маленьком листке бумаге написал ФИО и номер телефона.

– Вот, – он протянул ей листок. – Умеет коллега делать эти вещи. А если не поможет, будем думать над операцией.

– Ага, давайте подумаем. Все вместе. Тут главное подумать хорошо. Семь раз отмерь, один раз отрежь. .

Доктор заулыбался.

– Нет, барышня, лучше без отрезаний обойдемся.

Ранее блокад было сделано несколько. В разных учреждениях. Безрезультатно. Ева собрала снимки в широкий пакет, взяла рекомендацию и, попрощавшись, вышла. На улице сиренью расцветал тёплый май.

Глава 15

Словно каленой иглой мучило состояние обреченности и беспомощности, и невозможно было зайти в электронную почту или на свою страницу в социальной сети. До

сих

пор там ждали Еву сообщения с приглашением поучаствовать в каком-либо проекте, станцевать по приглашению, просто в качестве зрителя, присылали десятками фото, на нескольких фото она узнала на танцовщице свой костюм с последнего выступления —

полностью скопированный, до оборки. . Зачем это все? Зачем они присылают? До сих пор. Это

кололо память тысячей шипов и тысячи шипов говорили о том, что прежняя жизнь стала лишь

красивым воспоминанием, ушла за дым горечи неизлечимой травмы. Как вороны расклеивают истерзанные останки, так все эти сообщения пожирали Еву, заставляя снова и снова смотреть на тот мир, который некогда был наполнен счастьем и гармонией для неё, а теперь ей нет там места, мир этот затянут пеленой неутраченной боли.

Взорвана, разворочена та дорога, что вела Еву путем гармонии. А новой нет, новая и не нужна, не её будет эта дорога.

Она всё же прочитала все сообщения, не отвечая ни на одно из них, время от времени переходя на содержащиеся в них ссылки. Опять на экране мелькнул значок нового сообщения. Ева открыла его, там содержался упрек в редком появлении в сети, в отсутствии ответов на вопросы о танцах, критика последнего выступления и физической формы одной из

известных танцовщиц, ещё какая-то информация, которая у Евы значилась в категории «трёп».

Заканчивалось сообщение снова упреком Евы в том, что до неё в сети «не достучаться» и в том, что она забросила свою страницу. «Хочется свеженьких новостей», – от этой фразы её, по

ощущениям, затошнило. Она из вежливости набрала ответ:

—
«Свеженьких новостей» здесь в избытке и без меня, извини, просто нет времени на сети.— Блин! (Смеющийся смайлик) Ну, ты, Ева. . Сеть с тобой везде! Сложно лишний раз зайти на 5 сек? Или ты без телефона живёшь? В пещерный век играешь? (Смайлик изумления.

Смайлик безудержного смеха).

Этой ночью сон был беспокойным, прерывистым, Ева постоянно просыпалась.

Очнувшись в очередной раз, она почувствовала окружающую темноту неподъемной, давящей

плитой. Подошла к закрытому шторами окну и отодвинула их, комната наполнилась мягким светом от фонаря, светящего на уровне её, четвертого, этажа, «спрятанного» среди ветвей в кроне дерева.

Затем она открыла окно и вдоволь надышалась из него прохладным ночным воздухом.

Вскоре сон стал овладевать ею и она вернулась в постель. Изредка с улицы доносились голоса

гуляющих этой теплой ночью людей, шум проезжающих иногда машин, лай дворовых собак. Она ощутила себя лежащей на холодной поверхности. Холодная, очень грязная.. вода.

Ева лежала на поверхности большого тёмного пруда, по берегам которого часто и беспорядочно росли ивы, наклоняясь ветвями к ледяной мути. Несколько из них совсем упали

стволами в воду.

Ева, с трудом поворачивая голову, осмотрела эти берега: иногда между деревьев показывались человеческие фигуры. Люди, кто поодиночке, кто парами или маленькими компаниями, ходили вдоль пруда. Вроде что-то говорили друг другу, но слов было не

разобрать. Многие из людей, держась за ветви или стволы ив, низко наклонялись над тёмной

водой, всматривались в глубину, словно влекомые ею.

А потом Ева заметила, что в воде она не одна, было ещё несколько людей, все на большом друг от друга расстоянии, поэтому сложно было понять, кто это — мужчины или женщины. Вдруг несколько фигур вдалеке ушли под воду, утонули. Еве было мерзко дальше находится в этом ледяном тёмном пруду, воды которого таят смерть и грязь.

Плыть было невозможно, тело, как будто парализованное, не слушалось. Но вместе с тем Ева чувствовала, что не утонет, ей было легко держаться на поверхности водяного преддверья в ад. Она знала — эти грязные воды её не примут.

Но плыть Ева не могла, и ощущение брезгливости становилось все сильнее, отвращение к той среде, в которой она вынужденно находилась, пульсировало в каждой клетке тела.

Вода теперь стала ещё грязнее, чем была сначала, чёрная, она запахла гнилью.

Просить помощи у тех, кто на берегу, было запрещено. Кем запрещено, неясно, да и неважно. Это было негласное правило, существующее в окружающей сейчас Еву реальности.

Оно сразу проникло в её мысли, как будто бы телепатически передалось от некоего хранителя

этого места. Сами же люди на берегу держались отстраненно. Тех, кто, крепко держась за деревья, наклонившись к воде, всматривались вглубь, тела на поверхности, мёртвые или живые, явно не интересовали.

Вот, касаясь Евы, затем сильно толкая её, проплыл какой-то сгусток из прогнивших досок, тряпья и опавших в воду листьев. И почти сразу после столкновения с гадким сгустком,

неожиданно для себя она смогла поплыть, руки и ноги вновь стали послушны. Удар вернул ей

владение своим телом. Она плывёт. Спасение.

С этим ощущением — спасения — она выбралась на берег.

Медленно и тяжело она вернулась в привычную реальность: её комната, силуэты вещей в темноте, в окне - серп луны и чуть светлеющее на востоке небо.

Глава 16.

Новая галерея в центре города. Здесь искусство и история живут в одном пространстве.

Залы светлые, с большими окнами, с белоснежными стенами, на которых развешаны картины,

что уводят зрителя на берега морей, в леса или на городские улицы. Можно вернуться в былые эпохи, глядя на живопись и графику, или перенестись в иные миры, изображенные на

холстах, ватманах или картонах.

Ева пришла сюда работать, выполнять несколько функций, в том числе встречать гостей, продавать билеты и рассказывать пришедшим о картинах.

Здесь она почти забыла, запечатала свою боль, осколки прошлой жизни. Но сегодня эти осколки прорезали оболочку мнимого ещё забвения.

"Неужели это навсегда?! Я ещё там, я хочу назад!".

Даже здесь, в месте, наполненном энергией, разительно отличающейся от энергий офисов, площадок продаж "костылей здоровым людям", "кепок с говном" и т.д., она ещё не могла сказать жёсткое "прощай" любимому делу.

"Что я сделала не так? Какую возможность не вижу?" - мысленно спрашивала себя она,

сквозь оконное стекло глядя на дождь, оmyвающий улицу.

- Ну! Чё у вас тут?!- это мужской голос с диковато-наглой интонацией прорезал пространство. Ева отвернулась от окна и увидела в дверях зала мужчину лет тридцати пяти,

красным цветом лица и пепельными волосами, жующего жвачку, за ним стояла невысокая девушка, с непримечательной внешностью, вцепившаяся руками в локоть своего спутника.

- Чё тут у вас?

А. . эта вечная категория. . Ну и дальше всё по банальнейшему предсказуемому сценарию: кавалер хочет показаться своей даме остроумным, поэтому всячески пытается высмеять всё и всех вокруг. "Открытки с мировой живописью? С пейзажами? Ахххаааха! С обнаженной натурщицей? Гыыыы! Смотри, чё тут!"

- Хи-хи, хи-хи, - звенел девичий голос.

- А чё там? Картины? Освещение, ты смотри какое идиотское освещение. Как?! Как так можно освещать ё. А шторы. Бл. у меня на даче такие. Гыыыы!

- Хи-хи.

Покупка билетов. Пятиминутный проход по залам. Попытки иронии, пустые глаза.

- Чего-то у них какие лица какие-то странные, - задумчиво сказала девушка в зале портретов. - Такие. . невесёлые. Пойдём".

Заканчивая свой визит, остроумный сударь взял в руки витринный образец открыток с иллюстрацией живописи, повертел в руках, осмотрел с обеих сторон.

- А чё она какая мятая?

"Хихи хаха гыы".

Прошло несколько минут и в зале появился новый посетитель.

- Сколько стоит билет? Сто двадцать?! А кто цены такие назначает? Вообще всё это должно быть бесплатно! Что "почему"? Потому что мы у себя в стране, значит, для нас, граждан, это всё должно быть бесплатно."

Долго ещё длились советы "как правильно работать" и пожелание для Евы , чтобы "бесплатно".

Или так:

- Это ДВП? Нууу, тогда нет. Взял бы, если бы она на холсте была.

- Холст менее долговечен, а. .

- Ну вы мне не рассказывайте!..

Весь день прошел в круговороте подобных гостей.

Но вот стрелочки часов показали пять часов вечера. Зал опустел. Пора закрываться.

Телефон запел свою мелодию. Увидев, кто звонит, Ева не захотела отвечать. Потому что снова.. снова "Мы бы хотели вас пригласить. .", "Не украсите ли вы своим танцем наш праздник?", "А можно заказать индивидуальное занятие?". Нельзя! Невозможно.

"Сменю сим карту, прямо сегодня, закрою здесь и - в офис сотового оператора. Всё надоело. Как же это всё надоело! Надоело всё".

Вдруг она услышала хлопок входной двери и шаги. Медленные. Осторожные. А затем в дверях зала появились мужчина и женщина.

Мужчина высокий. Очень ухоженно выглядящий. Его глаза закрывали очки из красноватого стекла. Он тяжело дышал. За руку его поддерживала женщина. Обоим на вид около пятидесяти-пятидесяти пяти.

Женщина сжала сильнее его руку, потом пальцами стала рисовать ему по ладони какие-то знаки, причудливым образом двигала и своей и его рукой в воздухе. Волны, линии, круги ладонями.

Это язык слепоглухонемых.

– Здравствуйте. Мы ещё успеваем? Вы закрываетесь? – спросила она Еву. По замедленному произношению было ясно, что женщина слабослышащая.

– Добрый вечер. Конечно. Смотрите, сколько хочется. – Ева протянула ей аннотацию с описаниями всех залов

Еве сразу стало неловко за произнесенное ею "смотрите". А женщина взяв аннотацию, поблагодарив, снова заговорила на этом волшебном языке. Она водила своего спутника по залам, рассказывая ему руками об изображенном на картинах. К скульптурам и керамике, тем, что стояли в открытом доступе, он очень нежно прикасался пальцами, конечно, снова с помощью женщины. Эти пальцы были единственным зрением. . мостиком человека к беспощадно физическому миру.

Две фигуры словно превратились в одну, абсолютно гармонично существующую сейчас среди гипса, холста и мрамора. Они оживили эти залы, эти картины и скульптуры. И сами в свою очередь наполнялись энергетической информацией, только по разному: женщина не только вбирала эту информацию в себя, а сразу же становилась транслятором, переводчиком для своего друга. Он же, не видящий, не слышащий, как привыкли видеть и слышать миллиарды людей, являл собой воплощение желания *воспринимать*, быть способным станцевать тот парный танец, на который приглашает каждое произведение искусства своего зрителя, настроиться на нужную волну. Обычно заинтересованность у людей

читается в глазах. Здесь глаза скрыты. За красноватого оттенка стёклами. Но Ева впервые здесь увидела *такое* желание воспринять, познать, прочувствовать, желание взаимной связи с миром.

Когда они таким образом “прожили” все залы, женщина попросила сфотографировать их, выбрала для фона большой ночной пейзаж. Что-то сказала спутнику руками. Он, тяжело и

громко дыша, очень нежно обнял её за плечи, а она прильнула к нему.

Ева несколько раз прикоснулась пальцами к экрану на месте значка «фото» и показала то, что получилось, гостье. Та, посмотрев, поблагодарила и снова начертала несколько линий

на ладони своего спутника.

Через несколько минут Ева осталась одна. Вернее, не одна, а один на один с ощущением мощного потока энергии, что охлаждает и очищает мысли. А желание сменить сим карту лишь усилилось. Она поспешила выключить свет в залах.

Глава 17.

Облака медленно проплывали по небесной синеве. Ева лежала в траве и любовалась июньским небом, отдыхая после работы в саду.

Почти полгода она провела здесь, в деревне. В начале зимы Ярослав пригласил её сюда. Просто жить, забыв о городе, о паутине ненужных на самом деле никому и ничему дел и бессмысленной суете. «Тебе необходим тайм-аут, - сказал он тогда. - Долгий тайм-аут». А город ни чем не держал, по сути.

Тогда ей казалось, что будет скучно зимой в загородном доме. «Наверное, только на неделю», – думала она, собирая небольшую спортивную сумку, с которой прежде изъездила полстраны. Но этот дом стал для неё другим миром, другим пространством, которое словно говорило искренне: *«Оставайся. Сейчас это твое место»*.

Сразу порадовало, что в доме всегда было действительно тепло, в отличие от города, где при звонке в домоуправляющую компанию со словами о чуть теплых батареях, Ева

всегда

получала ответ, ссылающийся на странную, в её понимании, температурную норму в восемнадцать градусов.

Телевизора у Ярослава не было в доме принципиально. Но в ответ на его предложение привезти «плазму», если ей нужно, Ева отказалась.

На втором этаже можно было нормально пользоваться интернетом.

Зимними вечерами она стала много шить здесь. В заказываемые танцевальные костюмы она вкладывала свое ощущение гармонии и красоты, каждый стежок делала для воплощения на ткани женственности и элегантности - неотъемлемых для неё составляющих

полноценной человеческой жизни. Костюмы не оставались подолгу у Евы, их быстро приобретали. Но это приносило отголосок из прошлой жизни – встречаясь в городе с людьми,

которым отдавала готовые танцевальные костюмы, или только снимая мерки, она невольно слушала их рассказы о том, что сейчас там, где она оставила всю себя. Сначала поганое ощущение душевной язвы давало о себе знать постоянно от этих разговоров. Люди считали, наверно, что ей до сих пор все интересно и хочется слышать. Просить не говорить об этом было её личным душевным «*ne comme il faut*». Но это недолго продолжалось. Со временем она смогла управлять своими внутренними реакциями на эти раздражители — иглы из прошлого, иглы, колющие в больное место.

Ярослав обычно приезжал в пятницу вечером, уезжал в город в понедельник утром. То есть Ева жила одну большую часть недели. Но и одной ей всегда было хорошо здесь. Город с его агрессивным социумом чаще выжирал энергию в последнее время, а природа здесь беспрестанно её дарила. И потом, со второй половины апреля, к ней часто стали приезжать друзья и близкие, оставались на день или два.

В апреле растаял снег. Весна обняла землю. В мае зацвели деревья. Белоснежные облака из цветов вишни, яблони, сирени, встретившие Еву ещё тогда, несколько лет назад, вернулись вновь, украшая сад, украшая жизнь.

Сад был очень большим и требовал много работы. Ева выполняла её с легкостью и радостью. Усталость после такой работы была приятной, и, немного отдохнув, хотелось снова

что-то сделать для прекрасного сада. Ева зачитывалась книгами по садоводству, а Ярослав посмеивался над её энтузиазмом и называл «самым соблазнительным мичуринцем».

Когда Ева касалась листьев и цветов, на её руках собиралась вся бережность, на какую она была способна. Она уже привыкла к тому, что в центре ладоней концентрируется энергия,

при контакте с растениями эту энергию можно было почувствовать сразу же. Энергию любви,

взаимосвязи со всем живым и воплощенным. Ощущение растения как существа живого присутствовало в Еве с рождения. Она относилась к каждому дереву или кусту, неважно — здесь, в своем саду, или в диком лесу, как к другу и полноценному жителю планеты.

Живя здесь, Ева полюбила разжигать костер вечером и, греясь около него, встречать ночь с её прохладой, звёздами на небе и тенями, танцующими вокруг огня, . Неважно — одна, с Ярославом или в компании приехавших друзей. Гармония уединения, гармония в паре, гармония нахождения среди людей. Ева нашла это состояние.

Друзья, близкие приезжали часто. Евины или друга. Случалось, приезжали и те и другие, получалась одна большая разношерстная, но быстро находящая язык компания. У

Ярослава и Евы было много схожих черт, они вообще являлись единомышленниками по жизни,

их многое объединяло, в том числе и то, что они очень тщательно фильтровали людей для дружбы. Было множество знакомых, хороших приятелей. Но в близкий круг случайные не попадали. Ева душой безошибочно чувствовала людей. Поэтому компания получалась чаще всего очень гармоничная. Несмотря на различия приезжающих, все они были объединены мудростью, чувством юмора и бережным отношением к миру как к окружающей живой субстанции. И все эти люди, будучи во многом разными - в убеждениях, в мировосприятии,

В

чувстве красоты, имели ещё один связующий элемент. Общение показывало, что в целом никто из них не мыслит о том, чтобы не принять инаковость другого и начать навязывать, внедрять свое «что такое хорошо» в чужой ум. Ева к этому моменту ставила этот критерий одним из главных, чтобы «пускать на порог». Она безошибочно определяла, кто желает контроля над её образом мышления.

Ева часто замечала, что на лицах приезжающих друзей сначала читалась усталость или озабоченность какими-либо делами, напряженными ситуациями. Но проходило немного времени, и они становились другими: искренняя дружеская обстановка и природа снимали

и

тревогу, и тоску, если те имели место быть.

Иногда они привозили своих гостей на одно очень чистое и мощное энергетически, как чувствовала Ева, место. Это была кристально-чистая прозрачная речка, на дне которой лежали мелкие камни. Речка совсем небольшая — самая глубокая её часть была человеку по пояс. Она протекала вдоль крутого склона с одной стороны, и луга, манящего мягкой травой

и

полевыми цветами, с другой. Ветлы в изобилии росли около реки. Большие, с раскидистыми

ветвями, они создавали тень в солнечные дни, словно зовя провести несколько минут рядом, укрыться от зноя. Приезжающие друзья всегда были благодарны за эти прогулки, большой или маленькой компанией отдыхая там по два-три часа или целый день. Речку питали множество источников, беспрестанно бивших ледяной водой с чуть сладким вкусом.

Ева случайно открыла это место. Хотя она знала, что случайно — это лишь с первого взгляда. Однажды ей захотелось проехать до соседней деревни, друг говорил, что там красивые места и рядом есть конный клуб. Сам он был в городе, поэтому, выслушав по телефону его объяснения как проехать, Ева отправилась туда, взяв с собой недавно взятую Ярославом из приюта собаку, Ландыша.

По дороге Ева поняла, что уехала не туда, и, оказавшись на какой-то сильно развороченной дороге, если это можно было назвать дорогой, притормозила. Выйдя из машины сама и открыв дверь Ландышу, она осмотрелась и почувствовала знакомое тепло на ладонях, но не стала обращать внимания на это. Набрала другу на мобильном, а после разговора увидела, что Ландыша нет в поле зрения. Вскоре она нашла неподалеку любимого пса, лакающего воду из речки, а вместе с ним и прекрасное место. В искомую деревню приехала через полчаса.

Жизнь здесь вопреки первому предположению вовсе не стала скучнее и серее, чем в городе. Наоборот.

Стало ясно, что здесь просто нет лишнего, ненужного шума, в котором ей не слышно главного. И нет огромного количества лживых ненужных связей, которые существовали в её тогдашней городской жизни.

Иногда к ней приходили сомнения. Как будто, было стыдно, что теперь её жизнь течет гармонично. Она стала хозяйкой своего времени. Она жила в природной красоте и экологической чистоте. Она стала сильнее, окрепла духовно и физически. Душевная рана постепенно затянулась рубцом. А вместе с этим она все отчетливее понимала, что хоть перед

ней захлопнулись двери прежней жизни, но теперь словно кто-то вкладывает ей в ладонь ключ от двери в другой мир. Интуиция, которую раньше Ева практически никогда не чувствовала в себе, раскрылась огромным пышным цветком. Она без труда чувствовала, кто сегодня ей позвонит и с какими эмоциями будет говорить, чувствовала когда Ярославу следовало быть осторожнее и собраннее. Однажды утром в понедельник, провожая его, Ева ясно ощутила, что он попадет в небольшую аварию, ничего серьезного, без травм, но всё же. Она чувствовала, что он раздерган внутри из-за работы и просила его быть чуть внимательнее

к себе, чем обычно. Он не обратил внимания на её просьбу. Вечером случилась авария, машину пришлось отдать в ремонт. Ева чувствовала энергию растений, животных и вещей. Ева могла благотворно влиять на людей, а могла... наоборот. И это «наоборот» было большим искушением.

Постепенно сомнения ушли. Ева перестала чувствовать себя незаслуженно счастливой. Та жизнь, которой она жила теперь, была дарована ей, а не получена в результате каких-то нечестных маневров, обмана или самообмана. Все произошло естественно и само собой.

Это милость, которую принимают с благодарностью.

Глава 18.

Посаженные Евой цветы в палисаднике воплощали радость красоты и лета, тепла и нежности. Лобелия, агератум, бегония разных оттенков, по центру клумбы - белоснежные флоксы. Цветущие под летним голубым небом, они были словно фрагмент покинутого когда-

то лучшего мира.

Подойдя близко к клумбе, Ева заметила, что среди цветов появилось множество мелких сорняков. Нужно было прополоть здесь. Она сразу этим занялась.

Во время работы невольно в её памяти стали всплывать эпизоды из жизни в городе, одни фрагменты сменялись другими. Воспоминания становились потоком, сначала слабым,

а потом набравшим силу, и Ева, уже глазами души, четко видела происходящее с ней в прошлом. Физическим телом она трудилась здесь и сейчас, для сада, а мыслями и чувствами

всецело оказалась в недавнем городском прошлом.

Она увидела себя солнечным утром, собирающуюся на работу.

Безупречное синее небо в окне, залитые солнцем кроны деревьев и пение птиц, доносящееся в открытую форточку, словно предлагают прожить этот день в гармонии с собой

и теми, кто рядом.

Выйдя на лестничную площадку и закрыв за собой дверь, Ева не ждет занятого лифта и спускается по лестнице. Наступает на ступени аккуратно, ей не хочется встать в слюни, в мочу,

на какие-то грязные ватки и бумажки. Пройдя пять этажей своего подъезда, все это она встречает на своем пути. Здесь живут такие люди. Просто такие люди. Поэтому её день

начинается так. Она выходит из подъезда на улицу, где прохладный ветер сразу делится своей

свежестью. Под нежными лучами солнца хочется улыбаться, созидать, просто жить в это благодатное время.

Она доходит до конца своего дома, за ним находится магазин спиртных напитков.

Выходя из этого магазина, дорогу Еве переходит незнакомый человек. Мужского пола, лет шестидесяти, незнакомый ей. Он становится напротив, его заплывшее обрюзгшее лицо злобно кривится, он пристально смотрит на Еву и говорит ей:

– Бл. .ть. Тваррь е. .аная.

Сразу после произнесенного, продолжая смотреть на спокойно идущую прямо на него Еву, человек морщится еще сильнее, в его глазах появляется смятение, кажется, он улавливает, что в случае агрессии ему станет очень больно, и он отходит чуть в сторону, уже шёпотом изрыгая: «Тварь».

Ева приходит на остановку, сегодня она не за рулем, доедет на автобусе.

Присаживается на чистое место лавки, там, где нет привычно разлитого пива и осколков стекла. Рядом стоят люди, затем подходят другие. Их уже около десяти. У большинства выражения лиц либо озлобленные, либо унылые. Несколько из них почему-то зло посматривают на Еву. Настолько злобно, что кажется, она нанесла им серьезнейшую непрощаемую обиду. Но это нормально. Так почти каждое утро. Может быть, виной тому элегантно-платье на ней, или молодость, или красота. Женщин раздражает, что они так не выглядят. Мужчин, наверное, что их женщины так не выглядят. Ни те, ни другие никогда в этом не признаются, прежде всего самим себе. А впрочем, может быть, всё это и не так и ошибается Ева в своем предположении, но она точно знала, что, будь она сейчас в штанах, кроссовках, вытянутой футболке, злобных взглядов в её сторону, скорее всего, не было бы. Нет, её это не волновало, просто было забавно выявить такую зависимость.

Подходит автобус, люди быстрее бегут к его дверям. Зайдя внутрь, Ева получает удар в бок локтем. Болезненно. Это был локоть на большой мясистой руке женского тела.

Обладательница боевого локтя, полная, коротко стриженная дама в облегающих крупные ляжки легенсах, отпихивает Еву теперь филейной своей частью и чётко плюхается на сиденье.

На её лице возникает удовлетворение, держится оно пару секунд, затем на его место возвращается выражение озлобленной цепной овчарки. Ева проходит в конец салона, садится. Ехать ей минут пятнадцать - двадцать. Скоро будет на работе.

На следующей остановке через заднюю дверь заходит молодой человек, грузный, с напряженным выражением лица, с папкой документов в одной руке. Проходя мимо Евы, наступает ей на ногу. На секунду оборачивается на неё - в его глазах отвращение. Быстро проходит к последнему свободному месту, садится.

В автобус вбегает молодая, лет семнадцати, девушка с маленькой собакой на поводке.

Собака, идя за хозяйкой, задевает хвостом и лапкой человека с папкой документов, который только что отдал Еве ногу. Его некрасивое потное лицо трансформируется в гримасу злости,

а с пухлых губ срывается писклявое:

– Я сейчас позвоню, и вашу собаку отправят в питомник, барышня! Я законы, в отличие от вас, знаю, и могу вам это гарантировать, - сосискообразные пальцы впиваются в папку, а их

обладатель продолжает угрожающе пищать, - и почему на ней нет намордника?!

Девушка в явной растерянности, по лицу видно, что она не понимает, чем провинилась

перед разъяренным сидящим мужиком.

– Вы и ваша собака доставляете людям дискомфорт, вот в чём дело, – резюмирует он тоном истеричной бабы.

Девушка встает рядом с Евой и смотрит в окно. Собачка жмется к её ногам и смотрит в пол. На следующей остановке, пошатываясь, входит крупный мужчина, волочащий за собой мощный запах перегара. Он встает рядом со знатоком законов, чуть нависая над ним. Знаток молчит, сейчас он с омерзением, но молча отворачивается в противоположную от пахнущего

алкоголем человека сторону. На лице только чувство оскорбленного достоинства.

Проехав еще остановку, Ева выходит из автобуса, нужно перейти широкую дорогу. Для неё горит зеленый свет, но с детства в её разум вживлена привычка и на зеленый смотреть по

сторонам.

Переходит дорогу и через несколько минут она входит в зеркальные двери офисного центра.

Колючий сорняк больно уколол Еве пальцы, и она потеряла нить воспоминаний. Но совсем скоро боль прошла и прошедшая реальность снова ожила.

Рабочий день начинается. Вполне позитивно. Люди желают друг другу доброго утра, хорошего рабочего дня, начинают трудиться. Но многие не могут полноценно начать работать. Они тесно связаны с главным бухгалтером, Аллой Николаевной: нужны подпись, печать, сверка и вообще одобрение главного бухгалтера для многих документов. Но главный бухгалтер никогда не начинает работы в положенное время. Первая половина дня уходит на маникюр, на разговоры с пришедшими родственниками, на «пи. . ж», как говорили сотрудники, по личному телефону. В итоге все начинают работать лишь после обеда, когда неприкасаемый значимый отрудник все же вспоминает, что есть какие-то дела. Все то время,

что тратилось на маникюры и разговоры, переносится за пределы рабочего времени. Это время люди, связанные с главбухом работой, проводят за мониторами уже внеурочно. Им, должно быть, некуда спешить. Их лучшими воспоминаниями в жизни будут монитор и платежки. И холеные руки главбуха.

Никогда не спешащая уйти во время, в законом положенное время, но не из-за преданности делу, а из-за того, что там, вне стен этого офисного здания, её никто не ждал, главбух не давала закончить работу во время и другим людям. Аллу Николаевну и многочисленных женщин, ей подобных, после работы действительно никто не ждал. Ничто не ждало. Человек, боящийся остаться наедине с собой и от этого бегущий в мир офиса, не чувствующий себя нужным где-то, кроме своего рабочего места, всей душой передергивалась

Алла Николаевна при мысли, что у других людей, может быть, иначе сложилась жизнь, их ждёт кто-то или ждёт что-то. Такая мысль была для неё невыносимой.

–
Вот ведь! Встали и ушли! Ведь встали и ушли! - эмоции давят её, когда кто-либо уходит в положенное время.

Ева сгребла выполотые уже сорняки в кучу и продолжила работу. Память показывала следующие кадры.

Уважаемые коллеги!

Настоятельная просьба.
Контролируйте напор и угол падения фекалий точно в цель!
Помните: ёрш — полезное изобретение!
Туалет — место вашей вежливости.

Уважайте друг друга.
Объявление, представшее взору, крепилось скотчем на двери кабинки в уборной. Да, последние дни в офисе весёлый кулуарный переполох. Кто же это неметкое чудовище с отсутствием чувства уважения? Или их несколько? Дамы озадачены. За глаза кандидаты — практически все, но основная версия — молодёжь! Это они! Сама «молодёжь» участия в обсуждении не принимала. А Еве, представительнице сей многогрешной составляющей коллектива, шкодливая память подсовывает недавний эпизод: она возвращается на свое рабочее место. Присев на стул, замечает, что оторвалась пуговица на платье. Что ж, пройдемся снова по недавнему маршруту до уборной, наверняка там где-то валяется на полу.

В коридоре потери не обнаружилось, Ева заходит в туалет. Под раковиной нет, тогда остается только кабинка. В этот момент дверь кабинки открывается и оттуда выходит заместитель директора. Женщина при виде Евы хмурит брови.

— Ты чего тут?

«Интересный вопрос при встрече в сортире».

— Пуговицу ищу. Оторвалась где-то.

— Нет тут ничего! Ты, наверное, в другом месте обронила.

Зам багровеет и быстрыми шагами выходит из туалета. Ева не теряет надежды найти пуговку, заходит в только что опустевшую кабинку.

Предстают взору следы понятой деятельности, разбрызганные по сантехнике и полу.

«Н-да. . Не надо никакой пуговики. Что упало, то пропало».

Несколькими часами позже, в комнате приёма пищи — именно там, сами уже поели, а младшее поколение не в счёт — дамы продолжают высказывать предположения

— Это точно кто-то из молодежи! Кто-то из них. Они теперь такие неопрятные!

— Ну скорее всего. Ни воспитания у них, ни опрятности по сути-то. Юбки короткие напялили, губы намазали и пошли! И ничего им больше не надо. Мозгов не надо! Ничего не хотят! — сетует специалист по работе с клиентами.

—

Да вообще не смотрят они. Да. . ага. . угу!

Среди прочих согласных голосов громко звучал и голос заместителя директора..

—

Молодежь-молодежь, это они!

—

Ага, угууу. .

—

Мы разве такими были? Мы такими не были!

—

Сейчас вообще люди злые стали. .

—

Это да.

Впрочем, скоро тема разговора меняется, становится приятнее — отпуска.

—

В Египет, решили, поедом. А то всё у нас Тайланд да Турция, - радостно делится с Евой специалист по работе с клиентами. - Всё Азия.

—
Правильно, - поддерживает разговор Ева, - пора и Африку осваивать.

—
Какую Африку? Ева, говорю — в Египет еду. Не в Африку. Ну вот вы, молодые, вообще не умеете слушать внимательно.

Ева рассмеялась своему воспоминанию, "кадрам" и обожглась крапивой. Ожог на время вывел её из пребывания в гостях у прошлого. Но скоро память снова вернула её в прошлое.

В офисе любят не только кулуарные обсуждения, но и преподнесение советов. Снова лидером становится Алла Николаевна.

Ева находится в соседней с кабинетом главбуха комнате, ждет вышедшего за документами коллегу. Уверенный, напористый голос Аллы Николаевны вещает о том, «как надо», как в жизни «надо». Поучает она Юленьку, специалиста по работе с физическими лицами.— С родителями все живешь? Отделяться тебе надо. Что б жизни понюхала, пора уже.

И , знаешь, ты в офисе не смотришься. Вот, Юль, не смотришься. Рожать детей тебе надо, да, это твое, скорее. И отделяться. Обязательно отделяться.

— Ева чувствует, что скорее всего на Юлином лице сейчас четко читается отвращение и слышит её голос:

— Вы сейчас границы переходите, Алла Николаевна.

— Что ты говоришь-то? Вот ты мне *чё щас* сказала, а?! — голос главбуха сейчас имеет такую интонацию, что на каких-нибудь базарных конфликтах вписался бы очень органично.

—
Ты места-то своего не забывай, ладно?!!

А детей Юленька не могла завести по состоянию здоровья, о чем как-то призналась Еве в беседе за чаем. На зарплату её в этом учреждении можно было бы снять, наверное, однушку на окраине города. Откуда добираться по пробкам как с утра, так и вечером, Юлия стала бы часа по два , то бишь ей бы не имело смысла ехать ночевать домой, проще было бы раскладушку привезти на рабочее место. Еще осталось бы на проезд и, возможно, на скудное

питание, гробящее желудок, только не на месяц, а недели на две.

Но чтоб высокомерно и ужасающе глупо, ублажая свое бездонное эго, поучать человека, вовсе не обязательно, что-то понимать о нем. Априори Алла Николаевна знает «как надо».

Впрочем, не только одна она. Сегодня, наверняка Ева услышит множество наставлений от веганки, моралистки и просто хорошего высоконравственного человека — Алевтины. Алевтина младше Евы лет на пять, что не помешает ей спасти Евину «неокрепшую

душу». Вот она появляется в дверях кабинета и, видя, что у коллеги на столе стоит стакан с капучино начинает нравоучительным тоном рассказывать длинную интересную историю о том, как можно пить кофе, а как нельзя. Ева должна понимать, что кофе можно пить только сваренное самостоятельно и маленькими чашечками. А то, что она делает сейчас, это безусловное потакание корпорациям! Покупая такой кофе, Ева способствует распространению идей потребления, вносит свою лепту в общество потребления. Ева

говорит крепкое выражение в адрес спасительницы её, Еввиной, души. Всё. Готово. Отныне она идейный враг и вобще «какаха». Кроме того, Еввина принадлежность к обществу потребления выражается, безусловно, и в том, что она часто носит платья и модельную обувь на каблуках.

—

Неуверенные в себе женщины только так ходят, - вещает Алевтина, - такие ведь только к себе внимания хотят и поощряют выпуск вредной обуви.

В общем, Ева, как, наверное, и большинство, это чистый лист, без знаний, без жизненного опыта, и если, она не прислушивается к светоносным душеспасительным советам, то что с неё и взять. Да вот ещё и вредные привычки у неё.. пропащая.

Звонок мобильного телефона. Ева смотрит на экран — звонит двоюродная сестра. В разговоре просит помочь — она занимается организацией праздников: аниматоры, оформление залов, певцы, танцоры, конкурсы, фейерверк. . Танцовщица, которая должна выступать на сегодняшнем празднике заболела. Нельзя менять программу. Bel ydance — восточный танец. «Помоги!». Ева не отказывает: движения Bel ydance для неё остались доступны.

Вечер. Ева завершает свои дела и покидает офис. Нужно заехать домой за костюмом.

Вечер теплый, солнечный, зовущий на прогулку, Она торопится, поэтому идет кратчайшим путем. Нужно спуститься по склону, по каменной лестнице. Широкая, с низкими ступенями песочного цвета лестница. По сторонам от неё растут деревья с пышными кронами, из которых доносятся голоса птиц, других звуков не слышно: шоссе еще довольно далеко, а людей мало. Кроме Евы сейчас только пара, целующаяся около фигурных изящных перил, пара. Она спускается с лестницы, оставляет позади последнюю ступень, видит два двухэтажных дома. Ева поворачивает за угол одного из них и слышит ор с матерщиной.

Источник звука — лысоголовый мужчина, держащий в руке что-то вроде полена, которым,

судя

по всему, разбил только что лобовое стекло рядом стоящей машины. Орёт буйный мужчина на женщину лет сорока.

— Это мое место, запомни, мразь, я тут паркуюсь и ни одна гнида больше! — орет ей в лицо, держащий полено сударь. Его полнощекое лицо красно, рубаха не сходится на жирном брюхе. - Жаловаться не думай, гнида, мне ничего не будет! Забирай свое ведро! - он показывает на разбитую машину, - чтоб я ты не видел здесь!

Из подъезда выбегают несколько человек, кто-то из них с ним заговаривает, в ответ снова матерщина и угрозы.

— Я ща сделаю один звонок, и на раз здесь не одной гниды не будет. Вас по забору размажу!

Орущего снимает на телефон вышедший из подъзда парень лет двадцати, тут же Ева видит, что из открытых окон снимают ещё два человека. Увидев рядом парня с телефоном, лысый бросился на него с поленом, угрожая “размазать». Хозяйка разбитого авто звонит в полицию.

Через минут пятнадцать Ева в автобусе. Рядом что-то мычит пьяный мужчина в грязной футболке и трениках. Он вожделенно смотрит на Еву и пытается заговорить с ней, но попав под её взгляд, понимает, что лучше ему не надо это делать. Запах алкоголя и мычание от человека рядом, звуки шансона из радио, душно. Ева открывает люк.

—

Закройте, дует же! — требует дама на заднем сидении.

Работы на клумбе оставалось совсем немного, глазами души Ева уже видела себя на свадьбе, где работала вместо заболевшей танцовщицы.

Снова она видит сад, где на фоне цветущих кустов сирени, белой и нежно фиолетовой, на газонах яркой майской травы расставлены столики, покрытые кремового цвета скатертями, декорированные букетами цветов и свечами. Деревья украшены лентами, цветами и гирляндами, которые мерцают тёплым светом в сумерках.

Ева уже станцевала для молодых и гостей. Переодевшись из костюма bel udance в платье, она сидит рядом с сестрой за столом, стоящим вдалеке от остальных. Сестра просит остаться до конца праздника, чтобы помочь с демонтажем декораций и украшений сада.

— Можешь остаться до одиннадцати? И танцовщица заболела, и помощник ещё один не пришел. Не артистов же мне просить и не батутчика.

— Не вопрос, помогу.

Она смотрит в сторону. Башенки недалеко стоящего батута весело трясутся. В нем, заказанном для детей, лихо прыгают уже взрослые. Так мило и забавно видеть мужчин и женщин, сотрясающих надувные башенки. Детей там уже не наблюдается.

Время выступления артистов пролетает незаметно, гости едят выкупленный торт и танцуют. Кто-то повизгивает, что требует сатисфакции. Ева чувствует, что её клонит в сон, несмотря на громкую музыку и общее веселье. Завтра к восьми на работу.

— Не спи! – сестренка легко хлопает её по плечу. – Скоро заканчиваем. Мне надо пойти расплатиться с батутчиком и аниматорами. Вернусь, и начнём демонтаж, продлить

они отказались, так что будем собираться, – она отошла и скрылась за танцующими.

Ева встаёт, хочется пройтись и разгулять сон. Гуляя, она видит сестру около батута, рядом с ней ещё несколько людей они жестикулируют и перекрикивают музыку.

— Надуваем батут! – кричит крупного телосложения мужчина. Батутчик ставит переключатель на ON.

— Сдуваем батут! – громко отвечает сестра, батутчик меняет положение переключателя. Какое-то время они выясняют “who is who”.

— Надуваем батут, я сказал! – рычит крупный мужчина. Батутчик с растерянным выражением лица. – Да ты знаааешь, че я сдееелаю!

Батут надувается.

— Бывает, бывает в таком ключе, – устало улыбается сестра. – Оставь им батутчика и всё. Доплачивать не будут за его продление. «Мы вот вам и так много заплатили». А дальше всякие угрозы из пьяных уст: «Да я. . да ты знаешь, кто я, чё я. .». И прыгать пошёл. А мы платим батутчику уже сами.

— Клиент всегда прав! – пафосно торжественно говорит Ева.

— Клиент всегда пьян! – она смеётся и переводит взгляд в толпу пляшущих между столами. – Ну точно! Всё, конец реквизиту моему!

Услышанное ранее «Я требую сатисфакции!» снова звучит, но уже громче и грознее.

— Это женщина в ярком платье кричит о каком-то удовлетворении «Сатисфакции!» - она трясет

головой с короткими волосами и активно машет рукой в сторону. Тут же организуются две маленьких коалиции мужчин, очень похожих друг на друга. В свете мерцающих огней видны

взмахи рук и колыхания полных животов с натянутыми рубашками. Музыка стихает. Диджей заканчивает работу. Скатерти съезжают со столов, звон стекла, вазы, бутылки падают. Кто-то дергает за гирлянды, срывает их с деревьев. Декорации за пустыми сейчас местами жениха

и невесты падают.

Ругань. Визг. «Чё ты сказал? Повтори, чё ты сказал ё. .?!!» Диджею уронили колонки, оттолкнув его самого в сторону. Башенки батута трясутся по-прежнему.

— Спасай, что можно! - Ева берет сестру под руку, они подбегают к упавшему каркасу.

Начинается заключительный этап работы организатора - демонтаж.

Вскоре люди утихомириваются, кто-то смеётся, кто-то вытирает окровавленное лицо. В целом все чувствуют себя гармонично.

— Какая свадьба без драки! — произносит женщина, недавно требующая сатисфакции, и жуёт виноградку.

Ещё немного и Ева уже садится в машину к сестре, работа закончена.

— Наду-ду-дуваем батуюут! — доносится из сада.

Ева бросила последнюю копну сорняков на землю и, прощаясь с воспоминаниями одного дня, окинула взглядом всю клумбу. Цветы, освобожденные от сора, чуть волновались на ветру. Она села на траву и, обхватив ладонями колени, и выдохнула. Как выдыхают не просто воздух из легких, а вереницу прошлых дней из памяти. Несколько холодных капель воды появились на лице и руках. Начинался дождь, воздух реко стал прохладным. Глядя на тёмно-серое теперь небо, Ева хотела этого дождя. И капли падали всё чаще, скоро образовав собой летний ливень с его громом и вспышками элктрических узоров в небесах.

Очищающий

летний ливень.

Глава 19

Через полгода Ева вернулась в город. Жизнь за городом, как терапия, дала результат, пришло время возвращаться. Теперь с хорошей чистой энергией и освобожденными от прежнего нагнетения мыслями. В одно из январских воскресений, рано утром, когда заснеженные улицы пусты и тихи, Ярослав и Ева не спеша шли по скверу рядом с домом, гуляя с собакой.

— Я знал, что сама ты со временем придешь к этому. Не ломай больше себя и занимайся тем, к чему расположена твоя суть. Иначе никому, кроме компании, которая выжрет твоё время и силы, хорошо не будет. Потом она тебя выкинет как отработанный материал. В топку. А твоя суть останется не раскрыта и не реализована.

— Мне нужно было время, чтобы понять, что я способна ещё к чему-то. . ты же знаешь, другой жизни я не видела и не хотела.

—
Кажется, ты свои способности недооценивала. А я видел их в тебе, всегда видел. Но мне хотелось, чтобы ты сама пришла к пониманию себя. В таких вещах ценны самостоятельность, добровольность.

—
Да они вообще ценны, милый.

Пёс радостно прыгал по чистому снегу, потом, подбежал к своим людям и, виляя хвостом, звал их поиграть с ним. Ева взяла его за передние лапы и погладила по довольной морде.— Тогда ты не мутировала под весь этот слой, тебе не нужный. Само собой. Иначе вряд ли могло быть. И там, где отупляюще «клиент всегда прав» или где «незаменимых людей не бывает», и в прочем бедламе тебе не место. Для тебя это как в яму провалиться.

Ты

скатишься и потеряешь все свои качества, дарованные тебе для другого, совсем для иного. Качества своей силы потеряешь, а вместе с ними и себя.

А потом шли три с половиной года. Шли быстро, наполненные и гармонией, и правильным напряжением, правильными трудностями. То есть теми, которые были правильны и верны для неё самой, для того варианта жизни, который она действительно могла назвать своим, своим по праву. Работа у Ярослава, сначала помощником, а после получения второго образования, юристом, столкнула её с мерзостями человеческого существования, которые, скорее всего, никогда бы не проявились в её жизни, останься она тогда менеджером, консультантом или еще кем-то, названия тех должностей она забыла. Но всё теперь происходящее со своими сложностями давало ей возможность быть собой и на своем месте, тем самым преобразуя и окружающую реальность.

В первый год, помимо работы, она занималась тем, чем всегда в глубине души хотела. Познакомилась с людьми из группы помощи животным «Рекс». И началась череда глаз. Ева сама так определила это время. Глаза животных, в которых читалось пережитое. Глаза эти она видела, закрывая свои перед сном. И эти животные стали ярчайшей, точной до деталей, ужасающей иллюстрацией свойств, при определенных обстоятельствах присущих Homo Sapiens. Человеку разумному.

Животное, изрешеченное пулями. Забавы ради.

Животное с увечьями.

Животное, которому пришлось удалить глаз. Настолько повреждена побоями голова.

Животное - скелет в шкуре. Так морили голодом.

Животное, сброшенное с четвертого этажа. Причина, озвученная хозяйкой: «Он стал часто писать дома».

А иногда и лишь то, что от них осталось после мучительного отравления ядами, после побоев, после колес машин.

История, увы, знала случаи жуткой жестокости людей к людям. Об этом могло быть написано, рассказано, показано. За это должно было последовать наказание. По крайней мере, должно. А следует ли и каково наказание за тех, кто никогда за себя не скажет? Кто тоже питает своих детенышей молоком, кто тоже радуется лучам солнца или первому снегу, выпавшему на землю, кто обладает всем спектром человеческих эмоций, но никогда за

себя

не скажет. Этот вопрос Ева мысленно задавала себе, глядя в глаза покалеченным животным, которым привозила лекарства и которым искала людей. Время и забота исправляли последствия преступлений: шерстки и глаза вновь блестели, радостные лай или мяуканье

приветствовали своих новых людей. Теперь действительно людей.

Ева посвящала этому много времени, и с её приходом работа группы стала результативнее: она вплотную занялась распространением информации в сети, поэтому пришли новые люди, в чьих сердцах и головах золотыми буквами была прописана ценность жизни, эмпатии и милосердия.

«Рекс» росла и становилась всё заметнее. Пришла относительная известность. Вместе с ней пришла и визитная карточка социума – агрессивное злословие, поначалу чуть удивлявшее Еву. Впрочем, она быстро вспомнила, что число озлобленных критиков-комментаторов, считающих, что без их пяти копеек не обойдется ни одно явление в мире, — это константа.

Забавные, мысленно разделенные Евой на три вида. И эти три вида, в общем, возникали на протяжении всей жизни во всех её аспектах, будь то спорт или танцы, будь то дальнейшая работа юристом, будь что угодно.

Первый вид – те, кто против Евы использовал старенький верный приём: во все глотки гудели о том, что таким образом она и другие волонтеры только создают себе PR.

Используют

бедных животных, чтобы создать себе имя. В Еве ни капли искренности, ей нужен PR..

Второй вид – псевдоморалисты, или, как их называла Ева, мораласты.

—

А бездомных людей накормить не пробовали?! Пустобрёхи!

—

Многодетным семьям помогите! Им нужнее!

—

Как так можете-тооо? Горя-то сколько вокруг, а она псаааам! Бессовестная.

Однажды у Евы было шкодливое настроение и эксперимента ради, хотя и зная наперёд реакцию, она ответила автору упрека в отсутствии помощи бездомным:

—

Вы правы. Мы сейчас начинаем новую работу. На этот раз - нужную! Мы действительно пойдем принесем пищу бездомным в эту субботу и будем так делать раз в неделю. Более того, мы попробуем помочь восстановить им документы. Но нам нужны тоже помощники. Я уверена, что на вас мы можем надеяться. На еду скидываемся денежкой регулярно, на помощь с документами нужно выделить свое свободное время. Как вы? Ответа не последовало. Через пару дней Ева повторила просьбу-предложение. Ответа не последовало. Правда, больше и замечаний со стороны этого человека с высокими моральными принципами не последовало.

А был третий вид. В Евиной классификации он значился как «люди со странной психикой»

—

Тебя надо убить.

—

Швалота грязная ты и твои псы. Сдохните, биомусор.

В таком роде можно было слышать фразы. Ну или прочитать.

Или вот так: «Бл. . тво развели» - комментарий на устроенную небольшую выставку из спасенных животных, чтобы найти им «руки».

Где логика?

А семантика?

Ева смеялась так, что ей свело скулы. Она представила ситуацию. Выставка. Люди,

нормальные, адекватные, с семьями или одинокие, пришли выбрать себе друга. И вдруг из рупора разносится эта чудная фраза. Голосом какого-нибудь вредного мультяшного персонажа.

Однажды, когда она привезла собаку в семью, решившую взять животное уже не на передержку, а на жизнь, вместе со взрослыми её встретил и мальчик лет пяти-шести. Он подбежал к собаке, обнял её за шею, а затем стал внимательно, со взрослой серьезностью осматривать места, ранее забинтованные. Аккуратно, деликатно подняв лапу собаке и сжимая

её своей ручонкой, ребенок спросил Еву:

—

А другие как собачки? Другим вы можете так же помочь?

Существо, вырванное из лап человеческой жестокости и невежества, теперь здоровое и не дрожащее от взмаха руки. Рядом с ним маленький, в самом начале жизненного пути человечек спрашивает о возможности жизни других.

Каждый оставляет свои следы в физической реальности.

Глава 20.

—

Вот, я засняла. Полюбуйтесь, Ева Вячеславовна. Посмотрите. Доказательство.

Недавно принятая на работу по просьбе знакомых сотрудница Валентина Андреевна протянула чуть дрожащей рукой Еве распечатанную фотографию, где одна из сотрудниц была

запечатлена прилегшей корпусом на стол на сложенные скрестно руки.

Обычно осунувшееся от непонятной ко всем злобы лицо Валентины Андреевны сейчас горело заинтересованностью и торжеством. Торжеством доноса. Доноса как такового, а в данном случае и ложного. О, Вселенная, Валентина Андреевна с трепетом несла эту информацию. О, сладкая возможность выставить человека в невыгодном свете. Ленивая Ангелина, тунейдка она, посмотрите, Ева, а не уволить ли её, а я бы лучше смотрелась на её месте — такой посыл шел от Валентины Андреевны. А её мерзковатый, с претензиями к мирозданию голос звучал: вы должны поставить её на место, она не работает. Смотрите,

спит

ведь. — Вы зачем это принесли? Цель? - спокойно спросила Ева. Само собой, цель была ясна,

хотелось услышать, как жалобщица сама её озвучит. Просто психологически интересно.

Лицо собеседницы вытянулось, обида на нем вырисовалась за несколько секунд.

— Вы.. вы.. должны поставить её на место, - озлобленно выдавила из себя Валентина Андреевна.

— А на какое место? На своем месте специалиста она делает для нас очень много. Вас смущает её поза? Вообще, вас не касаются позы других сотрудников. Впрочем, ладно, удовлетворю ваше любопытство. Сейчас жарко, тридцать по Цельсию. Мне, например, очень

хорошо. А она вот мучается. Тяжело переносит. Оттого, что она облокотилась на стол на две минуты, у нас работа не встала. Ярослав Александрович как руководитель так считает. Его, как

руководителя, поза сотрудника может интересовать. Вас — вряд ли.

Где подобрать те слова, чтобы описать всю гамму чувств на лице Валентины

Андреевны. Смесь обид и гнева, разочарования желания отомстить. Донос провалился.

— Идите работайте. Если вам, не дай Бог, станет плохо, не переживайте, можете

даже прилечь. Никто фотографировать не будет.

Обиженная женщина, уверенная лишь в том, что будет мстить негодяям, вышла из кабинета, оставив Еву с фотографией.

Работа как фон. Настоящая же миссия подобных людей — абсолютно осознанная — внесение в среду энерго-информационного заражения. Они обожают доносы, обожают с

утра

и в течение всего рабочего дня отравлять злобными фразами тех, кто рядом. Сквозь черные очки своей ненависти скрупулезно высматривают, где кто совершает хоть малейшую ошибку, чтоб потом с радостью бежать докладывать, наговаривать. Она позиционирует себя как

борца

за справедливость. «Я за справедливость. Я за нравственность».

Ева ещё с минуту сидела за столом, глядя на фотографию, но видя мысленно вовсе не запечатленную сотрудницу, а осунувшееся от злобы лицо Валентины Андреевны, угрожающую нажаловаться на организацию во всевозможные инстанции, только неясно на что. Потом на консультацию пришёл человек. Ему нужно имущество отсудить в качестве наследства от умершей дочери.

“Какова там моя доля, если есть ещё мать – бывшая жена – и зять. . Я сначала хотел одну определенную сумму, а потом вот тут подумал. ., пожалуй, доля, причитающаяся по закону, будет поболее этой суммы. Как бы там ... это. . побольше-то. Правда, есть один нюанс.. Есть один нюанс... Когда дочь появилась на свет, я честно, честно, обратите внимание, никого ведь не обманывал, сказал, что ребёнок меня не интересует.. Я не хотел ребёнка. Поэтому никак не помогал, если честно, девочке. . Существует ли вероятность, что его признают недостойным наследником? За неуплату алиментов? Как бы этого избежать. .

Но все шансы есть у меня, так как официально от отцовства я не отказывался и не

обвинялся в

неуплате алиментов. . Нет, я не платил их никогда. Супруга оскорблена была настолько, что

не

сочла нужным официально затребовать этой платы. Да и не строго тогда с этим было. Это значит, что меня нельзя признать недостойным наследником?. Вот видите, как хорошо, что тогда от отцовства не отказался.“

Вскоре довольный претендент на наследство ушёл. Ева посмотрела на окно - возникло желание немедленно его распахнуть. Она встала, подошла к окошку и открыла его настежь. Волна свежего воздуха нежно прикоснулась к её лицу.

Какое-то время, с наслаждением вдыхая воздух, Ева смотрела с высоты четвертого этажа бизнес-центра на шумящую, многолюдную улицу. Поток машин на шоссе был похож

на

реку с быстрым течением, среди гула людских голосов выделялся громкий мат какой-то женщины, потом его заглушили из динамика рекламные слоганы торгового центра, находящегося рядом.

Прохладный ветер снова ласково обнял Еву.

– Кто вы? – вслух произнесла она. – Каким вирусом больны?

Глава 21.

Придя домой и заперев дверь квартиры, она сбросила туфли и, пройдя на кухню, налила себе стакан минеральной воды. Вышла на балкон. Солнце садилось, красное, не затемненное ни одним облаком солнце. Дарящее в июле такие теплые вечера и ночи.

Скоро должен был вернуться Ярослав. Ева собиралась приготовить что-то из любимых блюд сегодня, чтобы вместе они поужинали дома за небольшим столиком на этом балконе,

позволив себе немного красного вина.

Но внезапно она почувствовала себя сильно уставшей. Такое редко бывало. Потянуло в сон. Хотя бы ненадолго, чуть-чуть поспать. Накатилось очень тяжелое чувство усталости, с ним невозможно было бороться.

Допив остаток воды, Ева поставила стакан на столик и вошла в комнату, где прилегла на мягкую кровать. От постеленного с утра белья приятно пахло свежестью. Сразу уснула.

Она вдруг ощутила свое тело совсем по-другому. Усталости не стало за мгновение.

Вместо неё пришла лёгкость, какой, наверное, никогда Ева не знала. А вокруг.. вокруг неё был, жил, дышал в ярких цветах божественной природы, удивительный мир.

Она стояла на побережье моря или океана, воды которого выглядели, как ей казалось, как-то иначе, не так, как на Земле. Волны двигались чуть замедленно, и все они были невысокими. Вода не выглядела здесь грозной зловещей стихией, способной принести человеку гибель, но, напротив, словно звала в свои ласковые объятия, обещая показать свои глубины, бездонные и не таящие в себе зла.

Находясь на берегу, ещё не коснувшись воды, Ева точно знала, что она теплая.

Небеса над этой землёю и вовсе не напоминали обычное небо над головой.

Облака разных цветов, соприкасавшиеся друг с другом, создавали такую цветовую гармонию, что, просто глядя на неё, ни о чем не думая, Ева сбрасывала с души камни своей земной боли, душа очищалась и вновь обретала утраченную некогда силу. Желтые облака плавно переходили в оранжеватые, рядом фиолетовые, розовые. . Лишь отдаленно, лишь

чуть-

чуть наши самые прекрасные закаты могли пойти в сравнение с тем, что было здесь. А вот солнца не было видно, виднелись его огромные лучи, пронизывающие некоторые облака и вертикально уходящие в воды океана.

Воздух ощущался очень густым, наполненным запахами здешних трав и цветов, водорослей и самой воды. Один глоток такого воздуха, казалось, вылечил весь ослабленный организм, словно находящиеся в этом воздухе частицы сами распознавали, куда нужно воздействовать. Вся природа здесь любила Еву, это ей сразу стало ясно. Она здесь желанная гостя. А когда через какое-то время ей захотелось вдохнуть воздуха свежего и холодного, того, что у нас в горах, она сразу же получила желаемое. Но только она совершенно точно откуда-то знала, что это вовсе не воздух вдруг стал иным, а её собственное тело как будто

бы

изменило какие-то внутренние настройки и смогло извлечь только то, что ему требовалось

из

окружающего воздуха. Тело могло варьировать свою чувствительность. Ева управляла ею легко. Вдруг она почувствовала, что не слишком сильно тяготится притяжением. В ступнях играло забавное ощущение того, что появившись у нее малейшее желание, и от земли можно будет оторваться. Конечно, желание появилось сразу.

Она легко приподнялась в воздухе. Совсем невысоко, чуть-чуть над землёю. Ступни немного проваливались в густой воздух, как будто в вату. То есть Ева оказалась сантиметров

на

пять ниже, чем хотела подняться. Она сделала несколько шагов, и каждый раз ноги вот так приятно проваливались в густоте воздуха. Шаги получались, таким образом, пружинящими. Потом она поднялась выше без усилий отталкиваясь от воздушной «ваты». Чем выше, тем легче. Хотелось приблизиться к тем самым разноцветным облакам. Паря в воздухе, она увидела, что на тех облаках, что потемнее (фиолетовые, сиреневые), иногда сверкают

золотистые изогнутые линии. Чем то похожее явление на земные молнии, но не освещающие

вспышкой электричества, а лишь мерцающие золотом. Потом такие же она заметила и на светлых облаках. Было ясно, что это явление природы - игра здешнего солнца.

Ева плыла по воздуху, волшебное чувство невесомости дарило никакими словами невыразимый экстаз. Вот она пересекла луч солнца, уходящий в волны. Под лучом было жарко. Само собой.

Пару раз перевернувшись в сальто в оранжевом облаке, одном из самых низких, Ева медленно стало спускаться вниз, в воду. Вода тоже, как и воздух, была очень густой. Она сама

поддерживала тело, и в глубину можно было попасть, приложив небольшое усилие: океан словно желал удостовериться, что Ева действительно хочет под воду. Она увидела такой мир, какой, наверное, дайверам не снился (или только снился). И конечно, никакого специального

снаряжения здесь не требовалось. Эти теплые, нежные, хоть и дарящие ощущение огромной мощи и силы воды давали понять, что с Евой ничего здесь не случится. Казалось, с этим океаном можно было вести телепатический диалог. Каждая молекула поддерживает и любит. При первой мысли о желании оказаться на поверхности океан подтолкнул её вверх, где какое-то время она качалась на волнах, беспрестанно смотря ввысь. Небеса и вода были единым целым. Пространством гармонии и любви.

Она выплыла на берег, состоящий сплошь из гладких камушков, мокрые от набегающих волн, они блестели под лучами солнца. Каждый шаг по ним дарил ощущения блаженства, каждый шаг был взаимным приветствием природы и человека. И от каждого камушка шло абсолютно четкая, сильная, здоровая энергия жизни. Всё дышало жизнью: камни, травы, цветы. Цветы оказались похожи на те, которые растут на Земле, но были ярче и крупнее. От разных цветов растворялись в воздухе разные ароматы. Все непохожие, неповторимые. Прислонившись лицом к одному из них, нежно-голубому, с белой сердцевинкой, в которой переливались бусинки росы, Ева вдохнула. Аромат творчества, силы и веры в себя, чистоты.. Сильный аромат. Еве нравилось вдыхать его, но закружилась голова от непривычки. И тут снова она поняла, что может регулировать восприятие. Силою управления своим телом она понизила чувствительность. Запах стал менее интенсивным для нее, и она легко дышала им снова и снова.

А потом ещё несколько цветков. Несколько разных душ. Вдыхая нежный аромат и закрыв глаза, она скоро почувствовала, прикосновение к своему запястью. Разомкнув веки, она увидела на своей руке маленькую шерстяную ручку-лапку. Небольшой зверечек, похожий

на смесь обезьянки и ленивца, тремя лапками держащийся за крупный стебель цветка, смотрел на нее изучающе, а потом стал легонько барабанить по её руке пальчиками и щипаться, что-то пробубнил на своем зверьковом языке. Явно человек стал ему интересен. Ева погладила его по маленькой голове с закругленными ушками. Существо вытаращило глазёнки и пропищало забавный звук, потом перелезло со стебля Еве на плечо и стало играть с ней, хватая за волосы, за бусы и за нос. Через несколько минут было понятно: малыш признал в ней то ли маму, то ли друга и, куда бы она ни шла, сопровождал её, приносил ей лепестки от цветов, дергал за подол, бегал вокруг и тёрся об ноги. Позже он стал

как-то поспокойнее и, снова потянув Еву за подол, устремился к огромному желтому цветку

оранжевой каемкой на краях лепестков. Прыжком он вскочил на толстый лист, а с него уже

в

сам цветок. Сладко почмокав забавным ротиком и вздохнув, он посмотрел на Еву слипающимися глазками. Зверёк утомился. Он схватил своей лапкой-ручкой лепесток и потянул его на себя, потом второй. Укрылся. Ева погладила его по мордочке и вскоре он уснул. Зверёк в большом цветке.

Красота неба ещё более удивляла – в нем уже сверкали звезды сквозь слегка потемневшие облака. А воздух, казалось, стал более влажным. Лучи солнца теперь падали в океан по диагонали и изменили цвет на более темный.

Ева снова шагала по воздуху, поднимаясь к разноцветным облакам. Причем она не быстро летела, как птица, а именно ходила по воздуху, чуть проваливаясь в него при каждом шаге, либо просто плавно перемещалась по воздуху. Да и можно ли было назвать эту среду воздухом? Эфир, наполненный самой жизнью и любовью? Или как-то по-другому. Ева не

знала

названия, само собой. Облака были чуть прохладнее, чем пространство внизу под ними.

Вода

сейчас отсюда, сверху, казалась бирюзовой. Волны шумели чуть сильнее, чем в начале.

Ева приземлилась на выступ скалы. И здесь к ней пришла мысль: если забыть сейчас о том, что есть возможность передвигаться по воздуху. Если попробовать отключить в настройках тела эту возможность летать.. Последует ли неминуемая гибель, как было бы на Земле, если спрыгнуть с обрыва? Ответ беззвучно пришел в мысли: нет, здесь всё любит

тебя.

Уверенность была непоколебимой, но конечно, это хотелось испытать. Понятия смерти и боли

здесь не было. Ева просто шагнула вниз и сначала стремительно начала падать, лишь первые две-три секунды, потом её словно подхватили невидимые огромные мягкие ладони. Это произошло резкое уплотнение воздуха, как будто бы гигантский кусок ваты образовался под ней, тактильно это ощущалось так. И, как в замедленной съемке, она постепенно приземлилась на покрытые изумрудным мхом с редкими красными цветами камни.

Растущие

рядом, на склоне цветы зашевелились, потянулись в её сторону, в небе звезды замерцали, подул тёплый, приятный ветер. Скоро рядом появился знакомый зверек, который приласкался

к ней, запрыгнув на руки. Здесь нельзя было заболеть, травмироваться, погибнуть. Но отсюда

можно было исчезнуть в любой момент, растворясь в воздухе или сгорев в огне собственной энергии. Когда тому настанет верное время.

В небесах, наполненных теперь изумрудными облаками с вкраплениями золотистых сверкающих волнистых линий, вдруг показалась птица. Размах широких крыльев играл пламенем. Птица с огненным оперением. Она кружилась в этом величественном небе,

полёт

её являлся танцем. Танцем силы и свободы. На фоне неба - воплощения Любви. Покружив, птица приземлилась на огромный, покрытый ярко-зелёным мхом камень на берегу моря, рядом с которым сидела Ева.

Она. Неземного величия и силы. Огонь её оперения нагрел воздух, рядом с ней было жарко. Она спокойно смотрела на Еву. Ева видела её, точно видела, когда-то, где-то. Она почувствовала что, птица позволяет к ней прикоснуться. Огонь не обжигал сильной болью,

а

лишь слегка. И давал мощную энергию.

Диалог без слов. Здесь все существа могли понимать и чувствовать друг друга.

Ева не знала, сколько прошло времени. Вечность, минута. Затем - взмах пламенных крыльев. Гордый взгляд. Связь неразрывной нитью.

Небо становилось темно-зеленым неоднородно: где-то светлее, где-то темнее, звёзды складывались в причудливые узоры. И в целом оставалось светло.

«Это всё то, что было утрачено по собственной воле. . и глупости». Такая мысль отчетливо прозвучала для Евы. А потом она почувствовала: это место должно было показать ей ещё нечто или кого-то, может быть, здешних людей или здешнее явление. Кто живёт на этой прекрасной, здоровой, планете, обитаема ли она людьми или существами, похожими

на

людей? Безусловно. Но Ева сама почувствовала, что пока не достойна увидеть их, соприкоснуться с ними в общении. Она не сможет воспринять эту чистейшую энергию.

Слишком отчетливо душа её была испачкана печатью враждебности и неискренности

земного

общения. И потому большего она не увидит пока. Требуется исцеление, а значит, время и душевные усилия. Пора прощаться.

Зверёк слабо сжал лапками её запястье. Шум волн становился все громче, а ночной ветер сильнее. Нужно возвращаться.

Она открыла глаза и глубоко вдохнула. Обычная реальность напомнила о себе шумом едущего трамвая за окном, тиканьем настенных часов и звонком мобильного.

Глава 22.

Время, как известно, ресурс невозполнимый. Потерянное, оно повлечет за собой непоправимые изменения. *Потерянное время* – изменения негативные, изменения в наказание. За что наказание? Ева нашла своего доктора слишком поздно. Годы до этого

ушли

на пустую трату. Её ли вина, что настоящий Доктор появился в её жизни так поздно? Но потерянное время хладнокровно косит своей острой до безумия косою все сокровенные надежды. Не спрашивая, чья здесь вина. Упущенные месяцы, дни, часы обернутся болью. Упущены ли они вами или неумелыми врачами. Времени это не важно.

Доктор исправил, что теперь ещё можно было исправить. Это не выздоровление. Это зализывание ран. Рубец останется рубцом. А эту оборванную внезапно, полную

возможности

быть собой, жизнь теперь можно только смотреть на оставшихся видео и фото. Но Ева хотела

их уничтожить. Как банально, тривиально, например, избавляются от фотографий бывших любимых. Лучше будет нажать DELETE. А потом долой и из "корзины". Ведь в будущем,

увидев

папку с файлами-следами утраченного счастья, Ева не удержится от болезненного желания посмотреть. Увидя фото, она невольно обратится к мёртвой уже. . но такой живой и обильно кровоточащей, если посмотреть под другим углом на голограмму жизни, части себя, и эта часть своей болью отравит уже всю душу.

Но совершенно внезапно душа делает качественной скачок. Пришло осознание того, что теперь можно отпустить эту боль, она, боль, готова к растворению. Озарением стала

мысль о том, что эта боль, этот колющий удар жизни является неотъемлемой частью пути.

И у неё, Евы, не самый крайний вариант бессилия перед слабостью, ломкостью человеческого тела, несовершенством науки и человеческого сознания. А сколько их, блуждающих в черной ночи несправимости. . онкобольные, поломавшие позвоночник и суставы, потерявшие руку, ногу, потерявшие зрение. . Безнадёжно ходящие в лабиринтах лечения. Смотрящие на примеры тех, кому лечение помогло, и верящие в себя, в высшие силы или в науку. Но. Нет результата. Пусть есть вера, есть деньги, есть поддержка. Нет результата.

Еву коснулось это бессилие чуть-чуть: нет угрозы жизни, она видит, слышит. Просто она беспомощна. Цивилизация пришла к началу освоению космоса. Техника в корне поменяла мир. Но люди во многом, во многом бессильны перед собственным, непонятным для себя телом. Так настал этот момент трансформации слёз в силу и свободу. Да, не отдается больше

болью, впервые за все годы борьбы и огорчений, не отдаётся болью осознание того, что здоровое тело потеряно безвозвратно, что ткани деформировались. Выкинь пуанты в мусорный бачок, детка, надень мягкие тапки.

Только дорога жизни длинна и не предполагает пребывание все время в одной природной зоне. Закончилась местность с сочной травой, прекрасными цветами и тёплыми ночами. На смену ей пришла холодная каменная пустыня. Но и пустыня - часть дороги.

Часть земли Евы. Так зачем делать вид, что не было никогда тех цветов и озер с голубой водой. Были. И всегда будут жить в душе. А сейчас другой пейзаж. Все меняется, все течет, жизнь —

вечная динамика. И возможно, со временем Ева вспомнит и пустыню с благодарностью. Нет больше потребности бежать от прошлого. Она закрыла последнюю фотографию на мониторе. И закрыла папку. Завершение работы...

Лабиринты лечения, лабиринты надежд. Нет числа схороненным в их стенах.

Глава 25.

Машина сломалась, за Стефаном Ева отправилась на автобусе. Стефан – пёс, из которого ветеринары вытащили пуль на целую тарелку, как они сами обозначили количество. Затем —

операция. Выжил. Второе рождение. Нужно было забрать его у куратора на передержку. Сойдя на нужной остановке, Ева быстро сориентировалась, куда идти.

Частный сектор в основном из старых деревянных одноэтажных домов. Ева посмотрела на табличку с названием улицы и номером дома №1. Что ж, прямо - нужен №22.

Огромная лужа заполнила собою дорогу между двумя линиями домов, пришлось прижиматься к краю заборов, чтобы пройти. Ева аккуратно шла, чувствуя через подошву серебристых босоножек куски битого стекла, тут же валялись какие-то грязные тряпки, на одной из них, покрытой липкой грязью Ева поскользнулась, чуть не упав, вовремя схватившись за доску забора. Конца лужи не было видно.

"Ааааа! На х. . " – рыкающие звуки слышались из-за заборов. "Слушай меня, потаскуха!"

Что-то нечленораздельное, обрывки ругательств мужскими и женскими голосами.

Подобные звуковые фрагменты доносились до слуха почти весь путь вдоль лужи. Когда они перестали

быть слышны, закончилась и лужа. Немного пройдя по мокрой дороге, Ева оказалась перед нужным домом. За кованым загрождением, двухэтажный, но небольшой дом, из красного кирпича, крыша покрыта зеленью декоративного винограда, в ухоженном палисаднике цветы

и кусты шиповника. Ева нажала на кнопку звонка у ворот.

Женщина солнечной красоты, светловолосая, высокая, со статной фигурой. На ней было надето платье из голубого и бирюзового шёлка, длинное, с ассиметричным подолом, приоткрывающем стройность ног. На ухоженном загорелом лице читалось приветливое выражение. Ещё на лице был небольшой шрам, над скулой. Казалось, у женщины не было возраста. Дарина — куратор Стефана.

Они поздоровались.

— Заходите.

Прихожая здесь была небольшая, сразу после неё - просторная комната. Ничего особенного, на первый взгляд, ничего, что привлекло бы сразу внимание. Окна были частично

завешены шторами благородного зеленого цвета, поэтому свет падал неравномерно на предметы, играя с тенью. Два окна оставались открытыми, в них проходил слабый ветер, и дышалось в комнателегко.

Дарина предложила Еве присесть на диван около журнального столика, выложенного мозаикой разных оттенков бежевого и шоколадного цветов и через пару минут принесла свежий кофе.

Сев напротив Евы, она стала рассказывать о Стефане, о лекарствах и уходе, написала на блокнотном листе названия медикаментов, которые нужно было докупить.

Скоро зазвучал тихий стук коготков о дерево. По деревянной лестнице со второго этажа медленно сходил перевязанный бинтами пес кремового окраса. Дарина встала и быстро поднялась к Стефану, легко взяла его на руки, несмотря на то, что он был крупным.

— По лестнице ему сложно пока. - Она спустилась и поставила собаку на пол. - А так, пусть ходит. С ним нужно достаточно гулять, чтобы он разрабатывал лапы.

Стефан, пошатываясь, неуклюже подбежал к Еве и стал скрупулёзно обнюхивать её, потом, виляя кольцом хвоста, сел рядом и вопросительно смотрел на Дарину. Эмоции, ничем не отличавшиеся от эмоций человека. Ева погладила пса, он, казалось, забеспокоился

ещё больше.

— Ему тяжело будет первое время. Привык ко мне.

— И вы к нему.

— Да, но наверху их ещё четверо. И завтра на его месте будет другой, который ходил Бог знает сколько с перебинтованной скотчем мордой. Очередной дегенерат среди Homo sapiens применил свои возможности. Кости и кожа. Абсцесс на лапе. Привезут из «Шарика»,

ветеринары тоже сделали невозможное. Завтра привезут. - Она помолчала. - Животные, по сути, не защищены от дегенератов. На бумаге есть что-то, какие-то законы, а на деле, как правило, никто никогда не заступится всерьез. .

Стефан, словно в подтверждение ее слов, громко вздохнул, как умеют это делать собаки, и рухнул перебинтованным пузом на пол. Положив голову между лап, грустно смотрел на Дарину. На свою Дарину.

Она села в кресло, посмотрела на Еву.

– Когда его от вас заберут?

– Через десять дней. У них тоже свой дом с большим садом. Стефану там будет очень хорошо. Не переживайте за него. Люди – мои знакомые, это для них осознанный выбор. И главное, у них есть уважени, к животному, к природе. Их уровень духовного развития не позволит недостойно обращаться с животным.

Дарина приласкала подошедшего пса.

– Да, обычно у всех моих подопечных жизнь складывается потом хорошо. Ну или. . доживается хорошо, если животное старо.

– В него стреляли из баловства? Что это за история? Или обычная человеческая месть, куснул кого?

Дарина назвала имя и фамилию того, кто явился причиной страданий собаки. Ева попросила повторить. Да, она слышала её не раз. Там был полный "джентьменский набор": финансовое преступление, въезд в остановку с людьми в состоянии алкогольного опьянения

(нет, не он сам, "ребёнок" сел в папину тачку), избиение. Классика жанра. . Ярославу он как-

то предлагал большие деньги за адвокатскую помощь.

– Ева, вы, думаю, человек внимательный и видите, что константой существует часть людей, которым отмени уголовное законодательство, и они «оторвутся».

–
Да, давно вижу.

– Переехать, сбить, побить. . но это всё же наказуемо. Правда, это относительное утверждение. . Но в целом всё же - нельзя, чревато. А вот оторваться на животном — вполне.

Чего бы нет? Строго не накажут. Если вообще накажут. Поэтому у меня таких, как Стефан, всегда несколько в доме. Не перестают сменять друг друга. Большое количество подобных несчастных животных - это индикатор. Показатель болезненности данного социума. К людям

ещё можно вынужденно "хорошо" относиться: вам что-то от них нужно, для выгоды или вы их

боитесь, или, что называется "ради приличия". А отношение к животным всегда честно покажет состояние развития человека. Они выгоды не приносят. Они, по сути, беззащитны.

Да, порою они могут нападать, таких надо изолировать, искать им сильных людей. В крайнем

случае и крайние меры. Но это единицы. А оговорить можно всех, конечно. И беззащитны они тем, что за них "ничего не будет". Количество и качество, Ева. Количество таких искалеченных или, увы, убитых, животных показывает качество - качество психического здоровья у людей. Обратная пропорция.

– Да, - согласилась Ева, ставя чашку кофе на стол. – Но и других людей не мало. Таких как вы. Это тоже константа. Вы же почему-то стали этим заниматься.

Дарина улыбнулась.

–
Почему-то да.

–
А давно вы этим занимаетесь?

–
Давно, не давно ли. . Я чётко помню свою жизнь с четырёх лет. Тогда,

четырёхлетняя, я впервые познакомилась с грязной бездной большой души Homo sapiens. Графа, нашего пса, первой нашла я. Он лежал с открытыми глазами, завалившись на бок, головой в кровавой луже, вылившейся из пасти. Мой друг. Тогда я, конечно, не поняла, что это кровь. Я не знала этого понятия. Помню, что начала трясти его, поднимать голову, дуть

на

уши зачем-то. Потом куклу, которую взяла с собой, чтобы играть, положила рядом с ним, думала, она его оживит, и какое-то время смотрела на них обоих. Не плакала сначала. Потом позвала взрослых. Тогда мне стало ясно, что эта засохшая на моих руках темная вода — кровь. Мама меня заставляла помыть руки. А я орала и скандалила в ответ, мне хотелось, чтобы эта часть любимого существа осталась навсегда на моих руках. Графа хоронили, я бросила в его могилку под деревом ту самую куклу, когда дед бросал лопатой землю вниз. Всю ночь меня трясло. Мама успокаивала меня, приносила сладкий чай. Уснула я под утро.

А

проснулась какой-то другой. Повзрослевшей, как бы сказала большинство, во мне что-то умерло, а что-то родилось, иное, саму меня пугающее. Но совсем скоро я еще раз стала другой. Следующим вечером я вышла из дома и какое-то время смотрела на круг луны. Вот почему-то отчетливо помни звуки вечерней деревни тогда: стрекочущие в траве цикады, редкое ржание лошадей, громкий голос людей, зовущих своих коров на ночлег - «Вячеоорк, Вячеооорк!» , «Доочка! Дооочка!», лай собак. Я сидела и принимала тот факт, что лай Графа больше не услышу. Больше не приду к нему играть в доктора. Он, серьезная овчарка, позволял мне делать с собой что угодно, «лечить» острыми палочками уши, тыкать в зубы камушками, садиться верхом и тянуть шкуру. Лишь когда ему, видимо, было сильно больно

он

глухим урчанием давал мне это понять. Мне было ясно, что достаточно, «пациент» готов». Тогда я обнимала его за, как мне тогда казалось, огромную шерстяную шею.

Мои печальные недетские мысли прервались, когда я услышала скрип двери, а затем – голоса. Один голос - моего деда, а другой принадлежал нашему соседу. Разговаривали они где-то рядом, в проулке между домами, я не видела их, только слышала. Фразы доносились обрывочно, и мне не всё было слышно. Я сорвалась с крыльца и припала к забору в палисаднике, чтобы было лучше слышно.

– Ну просто. Собака хорошая была, – голос соседа звучал спокойно.

– Так зачем? – это уже звучал голос деда.

Потом мне стало совсем плохо слышно. А потом меня позвала мама, я не отзывалась, вслушиваясь в разговор, суть которого уже поняла. Но мама увидела меня и увела силой. Скоро пришел дед. Я так ждала, что он сразу расскажет то, что было так для меня важно. А он молчал. Я скумекала в свои пять, что дед при мне ничего не скажет. Принято думать, что дети ничего не понимают. Ничего не понимают, не чувствуют. Такие дурачки с конфетками во рту. На самом деле в детстве мы все чувствуем гораздо острее взрослых. Нет бытового опыта, но есть абсолютное чувство невыраженных эмоций и мыслей людей, которые рядом. Вот и тогда я поняла, что при мне никто ничего не скажет. И это обидело меня. То, что не считают за полноценного человека. Но я на раз доела тарелку каши,

которую

мама поставила передо мной и сказала, что пойду играть. Потом, конечно, прильнула ухом к закрытой двери в кухню и слушала, что говорил дед. Да, вот так, просто из зависти сосед отравил моего Графа. «Собака просто была хорошая». Тогда я решила, что вырасту и

отравлю

соседа. Такая была реакция.

Прошло несколько недель. Я не помню четко своих чувств. Помню, что не нужны стали игрушки, книжки с картинками. Но я стала очень внимательно смотреть на людей, на своих домашних, и на тех, что приходили к нам за чем-либо. Как бы сейчас сказали, сканировала их.

Наблюдение за людьми стало моим занятием. А куклы я таскала с собой специально, взрослые волновались, когда я переставала играть, а мне не хотелось привлекать внимание к себе. А потом настал день, после которого мне стало как-то и проще и тяжелее.

Сосед напился в очередной раз. По-моему, был какой-то праздник, я слышала, что в этот день говорили о празднике. Люди там любили всякие праздники: и светские и религиозные. Отмечали их. Я увидела его, валяющегося на траве, на лужайке между нашим домами. Он что-то бормотал, мычал. Его мать с крыльца пару раз позвала его, а потом скрылась за дверью.

Я открыла калитку и вышла из палисадника. Не подходила к соседу близко, а смотрела издали. Он продолжал свою пьяную бессвязную речь. Потом слегка перекатился на бок и провез локтем по большой коровьей лепешке. Одетый в какую-то серо-зеленую рубаху, такого же цвета брюки, он сливался с травой и дерьмом. Кепка слетела с головы и лежала рядом.

В этот момент я точно знала, что сейчас сделаю. Побежала в сарай и схватила там дедову рабочую перчатку, потом побежала в то место сада, где росло много крапивы. Там быстро нарвала через эту перчатку маленький пучок. Прибежав на лужайку, где валялся сосед, я ударила его по лицу этой крапивой. Сколько может быть боли, обиды в человеке в самом начале его жизни? Бездонный океан. Вся моя ненависть и боль была вложена в этот удар. Помню как сейчас. Мне хотелось уничтожить его этой крапивой. Потом я ударила снова

и ещё раз. Он заорал и вскочил, оперевшись на локти. Спьяна он не мог понять, в чём дело. Перед ним стояла пятилетняя девочка, ребенок. Сцена была забавной, наверное, со стороны. А я тогда жалела, что крапива не убивает. Кинув в него этот пучок, я что-то сказала ему, какое-

то ругательство и убежала в наш сад. Его ругань какое-то время доносилась. Я спряталась в саду, в заросшей беседке и какое-то время сидела там, опасаясь, что меня будут ругать, если узнают. Но мне было хорошо в душе и я была как-то по-мрачному счастлива в тот день.

- Жаль, что такая травматичная история случилась с вами в таком нежном возрасте.

—

Возможно, но с тех пор я стала учиться сканировать, видеть нутро. И конечно, с годами всё это состояние обиды прошло, поутихло. Просто была такая ранняя прививочка для

души. Я поняла, что зачастую такие люди, скорее всего, несчастны и слабы, они пожираемы паразитом. Нет, не солитёром и не глистами, а душевным паразитом. Как тот, например, что расстреливал Стефана, то же самое. Его жрет паразит, он в ответ пытается «жрать» людей, и бедной собаке досталось чуть не до смерти. Человек, находящийся на определенном, очень редком, высоком уровне духовного развития, мог бы сделать так, что подобный носитель этих энерго-ментальных паразитов, вдруг каким-то немыслимым образом стал бы погибать

неясно от чего, от безумия и боли, которые разъедали бы остатки недожранной паразитом души. Но лишь сам свободный в своей воле человек может вырвать своего червя. К этому идут добровольно. Но червь крепко впивается. Создает иллюзию невозможности жить без него, шепчет, что это он кормит своего человека, а вовсе не наоборот. Лишь с последними

ударами сердца и предсмертным помутнением сознания чувство собственной важности неотвратимо превращается в вонючую грязную речку своей никчемности и страха перед неизбежным. Последними усилиями умирающего мозга осонаёт носитель паразита, что за деньги теперь ничего не купишь, а земные связи здесь не помогут. Сытый и разжиревший паразит покидает изъеденную душу владельца. Более из неё брать нечего, как из пустой грязной комнаты.

Ева слушала собеседницу, чьи слова озвучивали её собственные недавние мысли.

—

Склонили, Ева, вы меня к трансляциям, — Дарина улыбнулась, — я обычно не особо разговорчива с гостями. Сегодня какое-то исключение.

— Ну я рада, что оно для меня. Сейчас вызову такси, — Ева достала сотовый из кармана и набрала номер.

Минут десять прошло ещё в ожидании такси. Скоро послышался знакомый уже стук коготков. С лестницы спустились две собаки: дворняга с защитным воротником на шее и спаниэль, на вид совсем здоровый. Увидив Еву, они залаяли, но моментально послушались жеста руки своей спасительницы и послушно легли у её ног, рядом со Стефаном

— Им тоже нужно найти дом и людей. Теперь нужны люди, уе. анов эти животные уже встречали, теперь нужны люди.

— Обращайтесь, если что нужно, перевезти их куда. Скоро машину заберу из ремонта.

— Да, Ева, спасибо.

Телефон пропел коротенькую мелодию смс — такси было на месте.

—

Как вы сочетаете это с работой? У меня нет возможности так сразу несколькими помогать, держать всех у себя. И не только из-за помещения. Дело во времени.

—

Год, как закончена трудовая жизнь, так что есть оно. Теперь работа другая. Список лекарств, не забудьте.

Ева взяла лист.

—

Ну почерк у вас. Прямо врачебный. Не разберешь ничего.

—

Ну извините, профессиональное. Что вам здесь не ясно?

—

Вы что врач на самом деле?

—

Травматолог-ортопед. А что? Помощь нужна?

—

Да нет. . нет, ничего.

Дарина проводила Еву и Стефана до самой машины, пёс беспокоился.

Ева села на заднее сидение, подтянув к себе за ошейник пса. Дарина захлопнула за ними дверь. Ева назвала адрес, машина тронулась, а собака вскочила лапами на сидение и, поскуливая и дрожа, смотрела на отдаляющегося важного для неё человека. Ева гладила Стефана по голове. Дарина и её дом, скрытый изумрудной зеленью листвы винограда, становились все меньше, а в боковых окнах — снова серые и грязно-бордовые заборы, мусор вдоль обочины, а впереди лужа.

Зазвонил телефон

— Да.

В трубке заговорил знакомый, полный ненависти женский голос:

– Евааа? Ева, я уже говорила, буду жаловаться! Я ведь все фиксирую. И диктофоном пользуюсь.

– А чего фиксируете-то? Кто обидел?

– Почему все чаи гоняют постоянно? Установите четкое время приема пищи! И ещё. У Яновской блузка не административного типа. Считаю, это недопустимо, такие декольте не

на работе носят, а развратные женщины в своих этих. . Вот раньше за это бы точно уволили.

– Вы сделали фотофиксацию декольте Яновской?

– Это нарушение. Все буду фиксировать.

– Только смотрите, чтобы фотографии чёткие были. А то в тот раз какие-то смазанные были. Нельзя так безалаберно к компромату подходить.

– А ониии. . они мне так ответили грубо в ответ на мое замечание.

– Как так?

Голос задребезжал.

–

Нецензурщину по отношению ко мне использовали, и ведь всё молодёжь! Я все записываю, донесу куда надо. .

–

Кошмар какой! Что эти мерзавцы сказали?

–

Ну мне говорить это слово, Ева?

–

Да! Мне нужны все детали!

–

Они сказали слово «м. .ндить» Сказали, что я хожу на них «м. .ндить» и «козлить».

Я на диктофон записала.

– Вместо того, чтобы фонтанировать своим душевным дерьмом, угрожая всем встречающимся в вашей жизни, займитесь работой, а в свободное время – своей жизнью. – Ева сменила тон на серьёзный. – Тогда и чужие кружки чая раздражать не будут. И красивая одежда на коллегах раздражать не будет. И их успехи раздражать не будут. И прогибать под себя никого не захочется.

На том конце трубки послышалось какое-то шипение, потом гудки. Наверное, пошла думать, а на что бы лучше писать жалобу. Как юридическую компанию поприветствовать.

Через полчаса, выходя из такси с собакой, Ева услышала голос соседки с нижнего этажа: – Хоспадиии! Опять с какими-то собаками! Вот делать-то нечего! Мужика-то, что,

нет что ли? Мужик-то вроде есть? Я вот вас тут ведь видела. Нормальная что ли ты баба-то?

– Сударыня, быть женщиной – это не только что быть с «мужиком-то» и варить борщи, а еще и иметь сострадание к живым существам, которые в этом нуждаются.

Глава 24.

Октябрь ударил по городу всей своей холодной слякотной мерзостью. Ветер колыбал ветви на деревьях, а небо, казалось, давило сверху бесконечной серой ледяной плитой. Но троим, шедшим сейчас по парку, было тепло. Их согревало тем особенным огнем, который загорается в людях в тот момент, когда результатом их усилий становится разворот хода событий от боли и смятения к успокоению, гармонии и праву жить полной, не омраченной попаданием в жернова систем человеческой жизнью.

Ярослав, Ева и её в совсем недалеком прошлом подзащитная София шли по узкой дороге, между теряющими свои золотистые покровы деревьями, Вскоре они пришли к ряду беседок. Войдя в одну из них, увидели раскиданные бутылки, обертки от какой-то еды, наклеенные на стол жвачки – стандартный набор следов пребывания многих и многих. .

– Посмотрю, как в соседней, – сказал Ярослав, выходя из беседки.

– Уверена, что в остальных то же самое, - ответила Ева.

– Там еще грязнее, – сказал он, вернувшись.

Они не случайно пошли в парк, им не хотелось сейчас сидеть в кафе или ресторане, не хотелось шумного окружения. Но домой тоже не влекло, несмотря на холод серого ветреного

дня. Ева салфетками протерла стол и скамейки от шелухи семечек и липкости, достала из сумочки пакет и сложила туда брошенные пивные бутылки.

София присела рядом. Внешне она казалась спокойной. Только глаза, в которых читались дикая радость, смешанная с дикой же усталостью, и легкая дрожь в руке, держащей

изящными пальцами сигарету, выдавали её эмоциональное состояние.

Порыв сильного ветра занес в беседку желтые и багряные листья и они закрыли нахарканные кем-то плевки под ногами.

Ярослав нежно посмотрел на женщин.

–

Малыш, – обратился он к Еве, – где там наш напиток?

–

КофЭ? - насмешливо отозвалась «малыш».

Ева достала из сумки узкий высокий термос, пластиковые стаканы и немного еды.

– Сейчас мне не верится, что я здесь, – глухим голосом сказала София, с силой затушив сигарету в карманной пепельнице Ярослава. – Совсем по-другому могла бы продолжиться моя жизнь. – Она замолчала, теперь её внешний покой исчез. Ярослав разлил напиток по стаканчикам и подал ей один из них .

– Сейчас выкинь все мысли из головы. Не надо сегодня.

– Да, ты прав, - она взяла стакан. - Спасибо вам.

Какое-то время они помолчали, без слов понимая друг друга и смысл этого вечера. Стаканчики соединились на секунду и быстро опустели.

– Скоро я доплачу всё, что осталась должна, ну самое большое два месяца. - София переживала, что не могла полностью оплатить Еве работу. - Мне самой не. .

– Не заморачивайся! – сказал Ярослав, вновь наполняя из термоса стаканы на столе. - Мы не случайные участники этого сюжета, а? Понимаешь, о чем я?

– Ты-то не хуже нас знаешь, что есть в жизни валюта намного дороже бумажек в кошельке, – добавила Ева, убирая с лица прядь волос, поднимающуюся от ветра, - и знаешь, что этот исход дела, этот поворот событий и есть лучшая для меня плата. Я понимаю, *что в данный момент от меня требуется*. Считай, за тебя заплачено.

София взяла протянутый ей Ярославом стаканчик и внимательно и тепло посмотрела на Еву. - Мне кажется, ты в душе так. . изящна, что ли, несмотря на то, что вот так разруливаешь.. Идешь по такой тернистой дороге.

–

Может быть, - Ева улыбнулась, – но это выбор осознанный, а изящность и сила вовсе не противоположности. Ты правильно сказала, шипов, что прорывают кожу и

отравляют кровь, на этом пути достаточно. Но это нормально. Сейчас мое место здесь, в этом

секторе жизни. Возможно, когда-то я и сверну на новую дорогу, жизнь – динамика.

Ярослав снова разлил по стаканам напиток для своих спутниц. Недолго они просидели так, шутя, подкалывая друг друга по-дружески, и холод не чувствовался. Ветер опять нанес листьев в беседку. София чуть слышно ругнулась, когда поставила стаканчик на стол.

– Вот что заставляет так срать ? - К её рукаву прилипла кем-то налепленная на стол, не замеченная сразу жвачка. Ева подала ей салфетку.

– Вопрос всех веков, тысячелетий. Эта маленькая слюнявая резинка, кою ты сейчас с рвением оттираешь от одежды, – малюсенькое, микроотражение нефизического на физическом плане. А грязь свою всегда бросали не только в виде материального мусора. Всегда. А в наше время это отлично иллюстрирует интернет. Just moment, – он достал смартфон, несколько раз коснулся экрана и протянул его своим собеседницам. – Читайте комментарий, пятый под видео.

Это было видео танца одного из самых ярких contemporary-дуэтов. Ева помнила их ещё с предыдущего этапа своей жизни. Мужчина и женщина. Лёгкие. Пластичные. Без тени вульгарности в своих танцах, но всегда воплощающие ту, словно бездонные воды великого, но ласкового океана, непостижимую, не лишенную эротики, красоту слияния двух личностей в

едином ритме рожденного чувства. Здесь через физическое транслировалось высшее.

А в “пятом под видео», было, как говорила часто Ева, «озлобленно надристано словами». Основной целью «дриста», как и всегда в таких случаях, было испачкать и завонять

чьи-то: чувство жизни, чувство красоты, мировоззрение, способности. Заодно возвеличить

себя, показать себя экспертом, и, главное, трубить во все трубы свой взгляд на вещи, выдавая его за единственно верный. «Потенциальные кадры порнографии», «нездоровые морально движения» и прочие выражения говорили о «потрясающей безнравственности», а фразы «будущие пациенты хирургов», «не хватает пластики рук» и «для дилетантов сойдет» относилось уже к уровню профессионализма.

– Видимо, комментатор хорошо разбирался не только в вопросах морали движений, но и в правильности техники их исполнения. Ну не мог он не поделиться этим ценным знанием,

кто кроме него просветит наши души-то неокрепшие.

– Просрался кто-то, любитель поучить морали и тому «Как надо. Как не надо», комментарии в инете нынче – отхожее место, – сказала Ева, - там тоже «похаркать» любят.

– Теперь такой пример, – Ярослав, не вынимая телефона из рук Евы, в несколько касаний по экрану открыл другую интернет-страницу.

«Для идиотов», «я мать твою е. . ал», «слюнявая х. ита», «сдохни на х. й», «х. йня подзаборная е. лет свой перекрыла», «тупые х. есосы это читают», «бл. ты немного тупой». Ещё множество подобных словесных конструкций заполняли страницу.

Это было не что иное, как обсуждение книги и её автора на одном из форумов.

– Или вот. – Страница снова сменилась. Подобный увиденному поток словесной грязи отразился на экране. Здесь «грызли» чье-то фото. Девушка на нем была полновата, и выражения вроде «сало в платье» или «я бы вдул» составили впечатление, что кучка дико голодных насекомых жрала добычу. Или кучка закомплексованных мужчин испражнялись своими комплексами. «Знающие» назидательными выражениями писали о том, какова

должна быть женская фигура, и о том, что красиво, а что нет.

– А теперь, Ева, вспомни наши дела, истории клиентов. Там гадят поступками, не только что словами. София, думаю, тоже в деталях помнит свое дело. И теперь снова задайте

этот вопрос. Видите, дамы? Заплеванная беседка – это самый поверхностный уровень. Можно ли ждать отсутствия грязи здесь, если срут на уровне слов и поступков? Этот мусор, как и общение в сети, просто индикатор. Всё глубже: корни пущены в мозгах, ну или, если вам

так больше нравится, – в душах. Враждебность друг к другу – основная черта, характеризующая социум. И я не могу сказать, что именно нашего времени, его так принято ругать почему-то. Начни изучать историю – это было всегда. Нет восприятия окружающей среды как живой субстанции. Есть восприятие её либо как поля брани, либо места, где «мне все должны», либо как среды манипулирования. Правда, последнее для тех, кто якобы поумнее. Но и этот "ум" – большая иллюзия.

–
Причем во всей этой каше всегда полно моралистов разного пошиба. – добавила София, закончив оттирать одежду. – Своё желание манипулировать другими людьми и обесценивать чужие убеждения, чужой опыт они заворачивают в фантик «борьбы за нравственность». Какую-то свою личную и субъективную.

–
Красиво и абстрактно. Удобно, – отозвалась Ева.

–
МоралАстов, – поправил Софию Ярослав.

–
Да, точно. Ну всё, от этой гадости следа не осталось, – София смотрела на рукав.

– У тебя сейчас выражение лица похоже на то, что было после суда. – Ярослав улыбнулся. – Забавная аналогия.

– Да. Я на свободе благодаря вам. Я с вами сейчас, то есть в отличной компании. Я пришла сюда своими ногами и ещё пью не самый дурной напиток. Сейчас для меня эта беседка – лучшее место во всем мире. – Её глаза светились энергией самой искренней радости, улыбка по-прежнему согревала своей теплотой при одном взгляде на неё.

– Не самом плохом мире, как бы то ни было, – добавила Ева. – Здесь мы переживаем опыт. У всех он разный. Опыт возрождения из пепла, опыт боли, опыт озлобления и результатов невежества, опыт открытия себя самих, опыт столкновения один на один с испытанием, опыт любви. Каждый сам продолжит свой список.

Они ещё недолгое время пробыли в беседке, говоря и о прошлом, и о своем видении будущего. Но более они наслаждались текущим моментом, очень ясно ощущая на себе его красоту. Потом собрали мусор в пакет и вышли из беседки на асфальтированную дорожку. София вызвала такси.

– Ты к главному входу заказала машину? Проводим тебя.

Начинало темнеть, деревья на фоне темно-синего неба под светом фонарей стали выглядеть ещё более золотыми. Воздух стал ещё холоднее.

К Еве вдруг пришло чувство сродни тому, которое некогда посещало её при победе в соревнованиях. Сродни отчасти, но оно было гораздо тоньше и в то же время сильнее.

Новый

виток одной спирали. Трансформация и преображение явили себя и, словно открывая столь долго закрытую тяжелую дверь, подарили Еве нечто принципиально новое, чего она не

знала

и не имела до этого момента. Ей было так хорошо сейчас идти по этой мокрой, плохо освещенной дороге под холодным ветром. Сегодня началась другая жизнь, давно назревавшая, путь к которой занял шесть лет.

Эпилог.

Годы бежали так, что казались только месяцами. Реальность городской жизни постоянно менялась во многом, как мода на одежду. Но неизменно жили ещё драконы эпохи – неумение быть разными и нежелание услышать друг друга, стремление к доминированию

и

подавлению, косность, жадность на всех уровнях. Работа Евы ещё более сталкивала её с самыми разными драконами каждый день и стала увеличительным стеклом, через которое ещё четче были видны гнойники больных душ. Но она никогда не допускала того, чтобы это увеличительное стекло превратилось бы в черные очки с грязными стеклами, хотя эта провокация приходила не один раз. Всё же Ева не допустила деформации психики и мышления. Мир для неё остался многогранным, в нём всегда оставалось место любви, дружбе, познанию сути вещей.

Сейчас улицы города обнял майский вечер, теплый, светлый, украшенный нежной зеленью молодой листвы на деревьях. Ева возвращалась пешком домой. Уставшая, шла она медленно, но отказалась от общественного транспорта - такие вечера имеют свойство снимать усталость и дарить особое настроение. Усталость в последнее время стала

приходить

часто. На дне сумки зазвонил телефон. Звонили по работе и, разговаривая, она присела на скамейку около одного из подъездов многоэтажного дома. В маленьком палисаднике перед окнами первого этажа молодая девушка сажала цветы. Окончив разговор, Ева невольно засмотрелась на неё. На вид девушке было лет двадцать. Аккуратными, бережными движениями она отправляла цветы в лунки, поливала из маленькой леечки и укрывала ямки грунтом. Её руки были вымазаны землей, часть которой чуть запачкала рукава ветровки. Контакт этих рук и почвы выглядел воплощением созидательности, преображения. Через землю на тыльных сторонах ладоней виднелись орнаментальные татуировки.

Девушка была очень увлечена своим делом и, глядя вниз на землю, не замечала, что Ева на нее смотрит. Тяжелые светло-рыжие локоны падали на лицо так, что его не было видно. Ева встала, чтобы идти дальше, но тут девушка заметила её и, дружелюбно улыбнувшись спросила:

– Скажите, пожалуйста, сколько времени? Не взяла с собой телефон.

– Шесть.

– Спасибо, - вежливо сказала девушка и вернулась к своей работе.

– Ваши цветы очень красивы. Вы преобразили это место.

Девушка подняла голову и чуть удивленно и смущенно посмотрела на эту случайную женщину.

– Спасибо. Ну это так. . просто.

– Я раньше сажала такие же в своем саду.

– Ну в саду у нас много, — непосредственно ответила юная собеседница, - а мне всегда хотелось именно здесь несколько изменить... вид.

– То есть, это давнее желание?

– Ну да. На самом деле с детства. Я выходила гулять с кошкой во двор, и меня пугала серость. Мне ещё тогда хотелось изменить. . , точнее, не изменить, - что тут изменишь, - а украсить, что ли, это место. Ну и вот, теперь я могу это хотя бы так.

Ева перевела взгляд с лица девушки на бутон в её руках и встала со скамьи.

– А кошка была белой, – память показала Еве давно забытый кадр жизни.

– Откуда Вы знаете???

– Да все нормально. Просто давно живу здесь. Через улицу.

Собеседница взглянула на Еву, пытаясь вспомнить, видела ли её когда-то раньше, а потом улыбнулась. – Я вас не видела. Вам недалеко, тогда возьмите цветок. Можно подарить вам один?

– Спасибо, барышня, я не цветовод. Вы здесь постарайтесь лучше,- она кивнула в сторону посаженных цветов и быстрыми шагами удалилась с улицы.

Когда Ева вернулась домой, ей вдруг сильно захотелось увидеть свой танец, на минуты вернуться в молодость. Папку на старой флешке нашла не сразу, давно позабытая, она затерялась среди прочих старых материалов.

Ева смотрела на себя, как на постороннего человека и не могла отвести глаз. Это была история, рассказанная движением, это была сила, элегантность, чувственность, владение телом и выражение души.

Время перестало существовать.

Все прожитое она ощутила как танец. С кружениями, рискованными акробатическими элементами, скольжениями, волнами, резкими или нежно плавными движениями. Всю

жизнь

можно было назвать танцем. Прожить её – станцевать. Как и многие танцевали, независимо от условий эпохи, давления, концентрации невежества и внушаемых страхов, обычно оставаясь вскоре после ухода забытыми и безымянными. Огненным танцем своей жизни согревали мир.

© Валерия Вивана